

III.

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ ГАЛИЦКОЙ И УГОРСКОЙ РУСИ, СОБРАННЫЯ Я. О. ГОЛОВАЦКИМЪ.

ИЗДАНИЕ ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХЪ
ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Москва 1878, 3 части въ IV томахъ.

Рецензія Члена-корреспондента Имп. Академіи Наукъ **А. А. Потебни.**

I.

Сборнику пѣсень предпослано изслѣдованіе «*Карпатская Русь. Географическо-статистическіе и историческо-этнографическіе очерки Галичины, сѣверо-восточной Угріи и Буковины*» (ч. I 557 сл.), состоящее изъ слѣдующихъ отдѣловъ:

I. Территорія.

1. *Карпатскія горы* (Главныя дѣленія Карпатъ. Общій характеръ. Наболѣе высокія вершины. Нѣкоторыя свѣденія о производительности почвы, 557 сл.).

2. *Рѣки и ихъ притоки*; краткія свѣденія о климатѣ (568 сл.).

3. *Проходы черезъ Карпаты* и пути сообщенія древніе и нынѣшніе (573 сл.).

II. *Политическое дѣленіе* прикарпатскихъ земель и нѣкоторыя статистическія показанія. А. Галичина и Буковина (581 сл.). Б. Угорщина (605 сл.). [О способѣ приобрѣтенія этихъ земель Австріею. Величина площади, дѣленіе ея по качеству (пахатная

земля, лѣсъ и пр.). Административныя дѣленія. Количество населенія, степень его густоты и распредѣленіе по вѣроисповѣданіямъ ¹⁾].

III. *Историко-Этнографическое обозрѣніе*. 1. Галичина (616 сл.).
2. Угорская Русь и Буковина (687 сл.).

IV. *Объясненіе Этнографической карты* Галичины, сѣв. вост. Угріи и Буковины (671 сл.) и

Объясненія къ (этнографическимъ) изображеніямъ (1—24).

Несчитая возможнымъ взять на себя оцѣнку степени новосты, точности и важности свѣденій, сообщаемыхъ въ этомъ изслѣдованіи, я отмѣчу лишь кое что въ III и IV его главахъ.

Авторъ, на основаніи одного мѣста у Безыменнаго Нотарія короля Белы, полагаетъ, что первоначальныя границы Польши, Угріи и Руси находились не на самомъ хребтѣ Карпатъ, а у южной подошвы Карпатскаго погорья, и что Владиміръ В. занялъ у Ляховъ не только Червенскіе города (какъ пишетъ Несторъ; «земли до Карпатъ и до р. Сана», Кулишъ. Ист. возс. Р. I, 4), но и закарпатскую страну по мѣст. Солоную (Slana, Soónvár), р. Теплу (притокъ Ондавы) и Тису (стр. 619.). Въ другомъ мѣстѣ авторъ говоритъ, что Русскіе горцы (Гуцулы, Верховинцы, Бойки и Лемки) «*выдѣлились* еще въ доисторическое время изъ общей семьи Славянъ.... Имя *Русинъ, Русь, Русскій* испоконъ закрѣпилось за ними посредствомъ господствованія князей Русскаго поколѣнія и утвержденія греч. православія и славянскаго богослужебнаго языка и, несмотря на это, все таки черты племенной разности и первоначальнаго происхожденія не стусеивались такъ сильно, какъ въ другихъ низменныхъ странахъ» (724—5). Галицкіе Хорваты, предполагаемые предки Лемковъ, упоминаемые Несторомъ и Кадлубкомъ подъ 850, 907, 981 и 983 и простиравшіеся Карпатскимъ хребтомъ къ самому Кракову, «приняли крещеніе при Владимірѣ В., а можетъ быть и раньше, и *послѣ* (Владимира?) усвоили себѣ названіе Русскихъ (Русняковъ)» (727). И такъ, слѣдуетъ ли считать Червоную и Угорскую Русь Русью только со времени Владимира, или Руссизмъ этихъ странъ, независимо отъ наименованія, происхожденія болѣе древ-

¹⁾ Всего народонаселенія Русской народности въ Австріи авторъ принимаетъ на стр. 614—3, 022, 723 (со включ. ок. 3000 вр. раскольниковъ), а на стр. 747 (вѣроятно по болѣе позднимъ свѣденіямъ) — 2, 835, 540. Г. Будиловичъ въ Статист. таб. распредѣленія Слав. и пр., Спб. 1875, насчитываетъ 3,223,100, а въ Дополнит. табл. къ Этн. К. Мирковича и Ритт. значится 3,032,600+2300 врусс.

няго? Принимаемое авторомъ «выдѣленіе» Русскихъ горцевъ произошло ли изъ *русской* семьи, или же Русь, какъ этнографическая особь возникла позже этого выдѣленія, между прочимъ при помощи православія и богослужебнаго языка, непревратившихъ однако въ Русь ни Сербовъ ни Болгаръ? Вопросы эти могутъ казаться напрасными, но они обращаютъ на себя вниманіе ученыхъ. Приведу для сравненія мнѣніе г. Кулиша, если не болѣе доказательное, то болѣе ясное:

«Въ тѣ времена, съ которыхъ начинаются историческія Польскія и Русскія преданія... населеніе *Польско-русской* равнины *говорило*, *вѣровало* и *управлялось* или одинаково, или съ небольшими мѣстными особенностями. Когда князья Русь... были призваны Новгородцами для поддержанія обычнаго у нихъ порядка, Русью сперва называли только тѣ области, которыя ввѣрили имъ у себя... судъ и пр. Когда же эти князья взяли подъ свою власть поднѣпровскія и др. славянскія области то... и эти назвались Русскою землею, и смыслъ этого названія былъ не столько тотъ, что Русь владѣла ею, сколько тотъ, что Русь охраняла въ этой землѣ установившійся обычаемъ порядокъ». Когда Владиміръ... завладѣлъ землями до Карпатъ и Сана... «Русью стали называться и тѣ области, которыя прежде находились подъ властью Ляховъ. *Если бы Владиміръ овладѣлъ всѣмъ пространствомъ до Вислы и даже до Одера, все это была бы Русь*» ¹⁾... «Сколько бы славянскихъ племенъ ни вошло т. о. въ кругъ княжеской власти... всѣ они, непереставая называться прежними именами, напр. Бужанами, Мазовшанами, Куявянами, назывались бы Русью»... «какъ это произошло съ жителями правой стороны р. Сана, которые до Владиміра, также какъ и славяне, жившіе за Саномъ, были извѣстны подъ именемъ Бѣлыхъ Хорватовъ, а со времени Владиміра начали называться Русью» (Истор. возсоед. Руси I, 3—5)

Въ отличіе отъ этого «имена *Польша*, *Польскій край*, *народъ* введены въ употребленіе государственными людьми позднѣйшаго времени и распространены по обѣимъ сторонамъ Вислы искусственно».... «Польское государство строилось помимо народа и въ противоположность народнымъ обычаямъ, вовсе нетакъ, какъ Русское. Въ то время, когда князья Русь поддерживали на сѣверѣ, по Днѣпру и до самихъ Карпатъ порядокъ жизни, установившійся

¹⁾ «Ему представлялась полная возможность превратить всю Польшу въ Русь» (ib. 11.)

обычаемъ, за Вислою уже рѣзко выдѣлилось изъ народа выше сословіе, отозвнялось отъ него обычаями, позаимствованными отъ Нѣмцевъ».... «Изъ этого сословія размножилась шляхта которая имя Польскаго народа присвоила исключительно себѣ». «Исторія земель, составившихъ впослѣдствіи Польшу, начинается борьбою притѣсненныхъ классовъ съ притѣснявшими и побѣдою послѣднихъ съ помощью латинскаго, пришлаго изъ нѣмецкихъ земель духовенства. Занятіе кн. Владиміромъ Червенскихъ городовъ и кн. Даниломъ земли Люблинской согласовалось съ духомъ возстанія массъ», было «возстановленіемъ равноправности, нарушенной полноправствомъ пановъ» и «самоуправленія, которому въ Русскихъ областяхъ былъ большой просторъ даже при случайномъ самовластіи нѣкоторыхъ Русскихъ князей...» «На этомъ основаніи можно полагать, что имена: *Русь, Русская земля, народъ* первоначально принимались одинаково на всей равнинѣ, которая впослѣдствіи является въ видѣ двухъ государствъ, Польскаго и Русскаго». Вѣчевое право, нѣкогда общеславянское, во всей древней Руси было общимъ для всѣхъ сословій, а въ областяхъ, составившихъ Польшу, присвоено панами исключительно своему сословію. «Гдѣ только хотъ временно господствовало вѣчевое, уравнивающее всѣ классы право, тамъ на вѣки народъ остался въ собственномъ смыслѣ Русскимъ, какое бы правительство ни повелѣвало имъ». «Слово *Русскій* въ періодъ созиданія политическаго тѣла Польши значило, можно сказать, тоже, что *Славянскій*, неподвластный онѣмеченымъ, латинизованнымъ панамъ, своеобразный, народоправный» (ib. 6—9).

Здѣсь сила не въ томъ, идетъ ли имя Руси съ сѣвера, или, какъ въ числѣ прочихъ думаю и я, скорѣе съ юга ¹⁾, а въ попыткѣ свести этнографическія различія ко временамъ историческимъ и причинамъ относительно извѣстнымъ.

Противопоставленіе государствъ Польскаго и Русскаго кажется слишкомъ рѣзкимъ. Въ одномъ случаѣ теченіе государственной жизни встрѣчаетъ заранѣе готовое ложе вѣчевого права и вообще народныхъ обычаевъ, а въ другомъ оно прорываетъ себѣ новое русло, несмотря на препятствія, поставляемыя ему тѣми же

¹⁾ Такъ что первоначально Варяги не суть Русь. Въ извѣстіи почти на сто лѣтъ предшествующемъ Лаврентьевскому сп. лѣт. сказано: «Придоша Русь» слѣдуетъ запятая или двоеточіе) «Чудь, Словѣне, Кривичикъ Варягомъ, рѣша: земля наша» и прусс. Никиф. патр. лѣтопис. по сп. 1283—4, Срезн. Пам. Р. письма 237.

обычаями. Не лучше ли допустить готовья, хотя и различныя русла въ обоихъ случаяхъ и примѣнить и къ Польшѣ *mutatis mutandis* тотъ взглядъ, по которому на пр. не Рюриковичи создали извѣстную степенъ единства домосковской Руси, а Русскія племена, между прочимъ посредствомъ Рюриковичей? Этимъ вліяніе личностей и меньшинства не отрицается, но подчиняется вліянію силъ, на видъ болѣе страдательныхъ, но дѣйствующихъ болѣе постоянно и продолжительно. Иноземныя вліянія немогутъ объяснить особенностей сѣверозападной группы славянскихъ племенъ, къ которой принадлежатъ какъ польское простонародье, такъ и шляхта. Причины образованія какъ этой группы, такъ и составляющихъ ее единицъ неизвѣстны. Не иноземныя вліянія и вытѣпленная ими изъ общеславянскаго тѣста шляхта создали этнографическія особенности польскаго простонародья, а масса польскаго населенія выдѣлила изъ себя шляхту и собою опредѣлила нормальныя границы Польскаго государства. Утвержденію, что если бы Владиміръ овладѣлъ землями до Одера, то и они стали бы Русью, можно противопоставить другое: власть Владиміра за этнографическіе предѣлы Руси непереходила, а если бы перешла, и за ними укрѣпилась, то Ляшскія племена могли бы обнаружить такую же устойчивость, какъ Червоная Русь подъ властью Польши. Каковы были различія нравовъ и обычаевъ между Ляхами и Русью въ X вѣкѣ, этого мы незнаемъ; но вѣрно то, что о народѣ, имѣющемъ письменные памятники, столь далекіе отъ предполагаемаго славянскаго безразличія, какъ договоры 907—971 г. никакъ нельзя сказать, что и за 100 лѣтъ до нихъ онъ говорилъ почти одинаково съ племенами ляшскими. Ограничиваясь общезвѣстнымъ, можно сказать, что у Руси въ X в. было полногласіе, между тѣмъ какъ у всѣхъ остальныхъ славянъ, по всей вѣроятности, его уже небыло; у Ляшскихъ племенъ были носовыя гласныя, при чемъ вѣроятно, что въ ж повсемѣстно звучало *a*, а у Руси ж = у (и развѣ гдѣ либо на окраинѣ — съ носовымъ призвукомъ, напр. если р. Угъ = жгъ), *а* = *я*; у Ляховъ было *z* изъ *z*, у Руси вѣроятно уже *z*; у Ляховъ было обще-западно-славянское измѣненіе *dj*, *tj*, а у Руси специально русское. Связь звуковъ языка съ другими этнографическими особенностями намъ неизвѣстна, но звуки вѣрно указываютъ на существованіе племенной особенности. Поэтому вовсе не смѣло утверждать, что въ X вѣкѣ и раньше было бы ошибочно сказать, что «Словѣньскъ языкъ и Русьскій — одинъ» въ другомъ смыслѣ, кромѣ общаго родового сходства. Русскій и тогда значило прежде всего — отличный отъ Ляшскаго, Чеш-

скаго, Болгарскаго и т. д., а не подчиненный Варяжскимъ князьямъ, народоправный и т. п. Другой вопросъ, представлялъ ли въ то время русскій языкъ единство самъ въ себѣ, остается открытымъ. Возвращаясь къ вышеприведенному мнѣнію Я. О. Головацкаго объ этнографической особенности русскихъ горцевъ еще въ доисторическое время, я думаю, что говорить объ этомъ до указанія доступныхъ обсужденію признаковъ такой особенности, преждевременно.

Въ то время, говоритъ авторъ, когда въ нынѣшней средней Россіи еще только водворялась русская жизнь среди инородцевъ, она уже давно процвѣтала въ Перемышлѣ, Ярославлѣ, Теребовлѣ, Галичѣ, Бельзѣ, Бужскѣ, Звенигородѣ и др. городахъ Червоной Руси (670); но весьма рано начинается и тянется до нашего времени рядъ обстоятельствъ, столь неблагоприятныхъ для этой жизни, что удивительно, какъ она могла уцѣлѣть. Татарское, потомъ татарско-турецкое разореніе идетъ съ Батыею и до XVII в. включительно. Въ 1-ой половинѣ XIV в. оканчивается политическая самостоятельность Галицкаго княжества, оно вовлекается въ связь съ Польшею, а въ 1432 становится Польскою областью подъ именемъ Воеводства Русскаго или Червоной Руси (622). Со времени завоеванія Галицкой Руси Поляками началось и продолжалось почти 500 лѣтъ политическое и религіозное ея угнетеніе. Оно было здѣсь продолжительное и сильное, чѣмъ въ областяхъ литовско-русскихъ (627). Свободныя сословія русскія частью денаціонализуются, частью закрѣпощаются (627); хозяйство изъ мѣлопомѣстнаго становится великопомѣстнымъ, ко вреду низшихъ классовъ (629). Авторъ слѣдитъ за постепеннымъ движеніемъ полонизма и католицизма со времени основанія католическихъ церквей въ Галиціи (635 — 44). За древнюю западную границу Руси онъ принимаетъ р. Вислоку (не Вислокъ, впадающій въ Санъ) и Вислу. Въ 1326—8 въ Решовскомъ и Ясельскомъ уѣздахъ было всего 18 католическихъ приходовъ; нынѣ же Решовскій уѣздъ, считавшійся до самаго паденія Польши въ Воеводствѣ Русскомъ, весь ополяченъ и окатоличенъ (630 — 1). А. находитъ: 1) что пропаганда сильнѣе дѣйствовала въ XV (при Ягайлѣ) и XVII в. (Сигизм. III), чѣмъ въ XVI и XVIII в.; 2) что польское населеніе держится болѣе городовъ и мѣстечекъ, чѣмъ селъ ¹⁾; 3) что во многихъ самыхъ древнихъ като-

¹⁾ Авт. думаетъ, что названія селъ въ вост. Галиціи, какъ *Ляшки*, *Ляховичи*, *Ляховцы*, *Ляхкое* и т. п., свидѣтельствуютъ, что это были поселенія польскія но весьма древнія, ибо во всѣхъ ихъ огромный перевѣсъ русскаго населенія

лическихъ приходахъ поразительно мало католиковъ и поляковъ; 4) что первыя Польскія поселенія появились вокругъ Львова и въ Бельзскомъ Воеводствѣ (644). Послѣднія двѣ православныя епархіи обращены въ Унію: Перемышльская въ 1691 и Львовская въ 1700. Ревность католической пропаганды, ослабѣвшая въ XVIII в. вновь усиливается послѣ присоединенія Галиціи къ Австріи (1772) и затѣмъ опять съ 40 годовъ нашего вѣка. Распространеніе полонизма и католицизма продолжается и до сихъ поръ, хотя въ последнее время встрѣчаетъ менѣе пассивное сопротивление со стороны представителей русской народности. Съ 1772 польскія поселенія въ вост. Галиціи прекратились, но призваны правительствомъ нѣмецкіе колонисты, живущіе особыми деревнями (болѣе 100) и, какъ и у насъ, неказывающіе замѣтнаго вліянія на окрестное русское населеніе (стр. 632, 683, 686).

Весьма вѣроятно, что Маѳьяры уже застаютъ русское населеніе на южномъ склонѣ Карпатъ, но политическая связь этого населенія съ остальною Русью, если и была, то рано прекратилась. Въ XI в. русская лѣтопись называетъ Карпаты уже горами Угорскими (687). Условія жизни въ кор. Угорскомъ бывали относительно благопріятны, судя по тому, что сюда неоднократно направляется приливъ новаго русскаго населенія. Такъ въ половинѣ XIV в. кн. Оеодоръ Коріатовичъ со многочисленнымъ подольскимъ людомъ перешелъ къ угорскому королю и получилъ отъ него въ удѣлъ обл. Мукачевскую и Маковицкую (690). Въ XVII в. в. православные Галичане десятками тысячъ бѣжали въ Угорщину отъ религіознаго и политическаго гоненія, къ прискорбію людей, вѣрно понимавшихъ пользу Рѣчи Посполитой. Въ судьбахъ Угорской и Буковинской Руси важную роль играютъ ея почти постоянно дружественныя связи съ Румынами. Во 2-ой половинѣ XIII в. король Владиславъ

и ни въ одномъ нѣтъ костела, что не могло бы случиться, если бы они образовались во времена польскаго владычества (622 — 3). Нисколько не возражая противъ того, что въ вост. Галиціи были польскія поселенія потомъ обрусѣвшія, думаю, что изъ приводимыхъ авт. названій селъ на племенной первоначальный составъ могутъ указывать развѣ *Ляцкое* и *Воля Мазовецкая*; остальные же могутъ значить, что село разрослось изъ хутора, въ коемъ сидѣлъ нѣкій *Ляшко*, или *Ляховецъ*, который могъ уже и небыть Полякомъ, или *Ляховичъ*, коего прозвище рѣшительно Русское. Т. о. въ южн. и зап. Руси, какъ и въ друг. славянскихъ странахъ, названія селъ образуются по одному типу съ названіями странъ (въ Ляхы, въ Чехы, въ Половцы), именно переводомъ во множественное число имени первоначальнаго жителя: села *Бабан*, *Овлаши*, *Тишки*, *Бацманы*, *Сокиринцы*—отъ *Бабая*, *Овлаша*, *Тишка*, *Бацмана*, *Сокиры*.

Куманъ поселилъ Румынъ между р. Марошемъ и Тисой, въ Марамарошѣ. Румыны и тамошняя Русь тамъ съобща отбивались отъ нападавшихъ на нихъ католиковъ (688). Въ 1352 или 59 воевода Богданъ Драгошъ переселился изъ Марамароша въ Буковину, вскорѣ распространилъ свою власть на всю эту страну и Молдавію и основалъ Молдавское господарство со значительнымъ русскимъ населеніемъ, занимавшимъ преимущественно область Черновецкую и Хотинскую, а частью и Ясскую и Сочавскую. Связи Руси съ Румынами сказываются во многомъ: въ употребленіи ц. слав. языка въ богослуженіи въ Молдавіи и Валахіи до половины XVII в.; въ непрерывныхъ сношеніяхъ галицкой церковной іерархіи съ молдавскою до окончательнаго введенія униі въ Галичинѣ въ XVII в. (655); въ употребленіи русскаго языка въ гражданскихъ актахъ въ Молдавіи; въ многочисленныхъ семейныхъ связяхъ русскихъ пановъ и молдавскихъ господарей; въ обоюдныхъ этнографическихъ вліяніяхъ. — Съ XV до конца XVII в. продолжаются попытки Польши подчинить себѣ Буковину и Молдавію, дорого стоившія обоимъ сторонамъ. Во многократныхъ походахъ Поляковъ на Молдавію участвовала и галицкая, большею частью ополяченная шляхта; но и въ молдавскихъ рядахъ сражалось немало Руси (655). Столкновенія Польши съ Турціей изъ за Молдавіи кончилась тѣмъ, что эта страна вмѣстѣ съ Буковиной осталась за Турціей до русско-турецкихъ войнъ XVIII в. Съ 1769 по 1775 Буковина была занята русскими войсками, потомъ возвращена Турціи, а ею, на основаніи конвенціи съ Россією 2 Іюля 1777, уступлена Австріи (667). Австрія приняла Буковину съ 80,000 населеніемъ Русскимъ и Румынскимъ, исключительно православнымъ, а теперь тамъ жителей болѣе 500,000, въ томъ числѣ ок. 50,000 католиковъ, а по народностямъ много Евреевъ, Нѣмцевъ, Мадьяръ (667—9).

Для сравненія съ этнографическою картою Я. О. Г. у меня есть подъ рукою только Этн. к. Славянскихъ народностей Мирковича, дополненная Риттихомъ, Спб. 1875, гдѣ отдѣленіе малорусскаго населенія отъ великорусскаго, не смотря на большой просторъ для этого, сочтено излишнимъ, и карта южнорусскихъ нарѣчій и говоровъ, составл. въ 1871 г., приложенная къ VII т. Тр. этн. эксп. въ юзп. кр. Последняя, не смотря на свое спеціальное назначеніе, представляетъ лишь общія грубыя очертанія, относительно Галичины и Буковины исполнена неточностей, въ родѣ названій: Жолніевъ

Новы-Сандекъ, Стары-Сандекъ, Пржемысль, Стры, Коломия, Черновець, а въ Закарпатской Руси ни одного названія. Карта гг. Мирковича и Риттиха, въ той своей части, которая здѣсь идетъ въ сравненіе, кромѣ меньшей подробности сравнительно съ картой г. Г., вполнѣ, впрочемъ, извинительной, и кромѣ неточностей, подобныхъ вышеупомянутымъ (напр. Ст. и Нов. Снѣдецъ, Дуколь), представляетъ и другія отличія отъ к. г. Г., я думаю, не въ свою пользу. Такъ на ней въ Закарпатъи окрестности городовъ Пришева, Кошиць, Ужгорода, Мукачева изображены въ видѣ мадыарско-нѣмецкихъ островковъ среди преобладающаго или сплошнаго русскаго населенія, тогда какъ у Г. южная граница такого населенія проходитъ сѣвернѣе этихъ городовъ, а далѣе на югъ русское населеніе изображено только узкими извилистыми полосками среди словацкаго и мадыарскаго. Т. о. мнѣ кажется, что для русскаго читателя карта Г., по относительной подробности, вѣрности названій и отчасти новости заключенныхъ въ ней свѣдѣній, пока незамѣнима. Конечно, при лучшемъ исполненіи, можно бы достигнуть большей разборчивости (теперь и лупа не всегда помогаетъ) и вмѣстѣ подробности: стоило оставить бѣлымъ или покрыть болѣе блѣднымъ цвѣтомъ то, что окрашено зеленою, названія писать мельче, но чотче, горы изображать не такъ грубо. Карта не заключаетъ въ себѣ весьма многихъ данныхъ, приведенныхъ въ изслѣдованіи, къ ко-
ему приложена. Такъ въ ней нѣтъ селъ, которыя были бы нужны, если бы карта соотвѣтствовала такому описанію границъ преобладающаго русскаго населенія, какъ напр. опис. запад. границы въ народоопис. Шафарика, приводимое и Я. О. Г. въ соч. «Розправа о яз. южно-рус.»; нѣтъ названій многихъ изображенныхъ на картѣ притоковъ; вовсе нѣтъ названій горныхъ вершинъ. Согласно съ этимъ не слѣдуетъ принимать въ точномъ смыслѣ словъ автора: «для удобнѣйшаго осмотра карты опишемъ подробно, что на ней находится» (I, 674), ибо на картѣ — гораздо меньше, чѣмъ въ описаніи. Какъ бы ни было, кто имѣетъ въ виду, что лучшее, если и есть, то мало-доступно; что это — приложеніе къ изслѣдованію и сборнику (почему на пр. изъ селъ обозначены почти только тѣ, гдѣ записаны пѣсни, внесенныя въ сборникъ), тотъ скажетъ спасибо автору.

Въ IV-ой гл. Изслѣдованія («Объясн. этн. к.») обращаютъ на себя вниманіе топографическія и этнографич. названія, которыя, какъ замѣчаемъ авт. (I 674), малоизвѣстны или вовсе неизвѣстны въ пра-

вительственномъ мірѣ и въ письменности, но большею частью истари сохраняются въ преданіяхъ народа.

Сначала разсматриваются названія мѣстностей и жителей по мѣстностямъ: *Горы* (какъ собств. имя Карпатъ нынѣ и въ древней Руси) и *Горяне* (274—5), *Подгорье* (276), *Чорногоры*, *Бескиды* (275 и раньше, 557—8), *Дль* (*Діл*) и *Поддьяне*, *Задьяне* (276), *Верховина* и *Верховины* (276—8), *Краина* (278—80), *Маковица* (280), *Покутье*, *Ляцкая* и *Волоская земля* (281—2), *Коломыя* ¹⁾ (какъ названіе страны по городу) и *Коломыйцы* (281—2) ²⁾, *Подолье* и *Подольяне*, *Ополье* (*Поле* Ипатьевской лѣт.) и *Ополяне* (682—4), *Польсье* Галицкое и *Полтшукы* (684—5).

По поводу нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ здѣсь словъ замѣчу слѣдующее.

Понятно, что въ равнинной части южной Руси карпаторусскія названія горъ и т. п. неизвѣстны. Таковы напр. *половина* (интересное примѣчаніе у Гол. I, 577); *бърда* (серб. чеш. брдо), скалистая гора; *бърце*, холмъ; *борола*, утесъ (слов. bralo, чеш. bradlo); *боўд*, камень, скала (б. м. въ связи съ мр. бовдур, вр. болдырь); *цп*, тѣснина (ср. серб. проциѣп, ст. русс. проскѣпъ); *хѣб*; гребень или хребетъ горы; *кичера*, лѣсистая гора (Wahilevič, Сас. С. М. 1841. 513); *Магура* (у Гол. I 562, это собств. имя, у Вагилев. I с. *могира*, огромный); *Грамотъ* v. *Грохотъ* (у Гол. ib 563—собств. имя горы въ Коломыйск. окр., на югъ отъ села Космача; серб. *грѣхот*, камень, стиженъ = скала, скалистое мѣсто); *мучна*, horská luka (Wah.): *плой*, горный путь (и какъ собств. имя; рум. *plai*); *осуа*, stržina (Wah. ib); *облазъ* («пустилися білі мраки долів облазами», Гол. III, 224); *шолб*, culmen (Wah.); *тапра*, горная вершина покрытая лишь низменною растительностью; *вертеб* или *вертеба* (?), воронкообразная котловина, футовъ въ 90—100 въ поперечникѣ; въ Коломый-

¹⁾ Замѣчу къ слову: въ вост. Малороссіи (не говоря уже о запад.), а отсюда и въ Великой Россіи, довольно обыкновенна фамилія *Коломыецъ*, *Коломыйченко*, *Коломыйцевъ*, откуда — «болѣе облагороженная» (во вкусѣ «Саллогубъ» изъ Салогубъ или Сологубъ) фамилія одного изъ героевъ Тургенева, Каломейцовъ (е изъ ы произносимаго какъ э), неимѣющая связи съ Коломенцевъ и Коломна. *Коломыя* впрочемъ есть противень *Коло-мнъ* (стар. Коло-мьно, напр. Новг. I л. 30), какъ и *Калуи* и *Коно-топу*. Фамиліи, какъ Коломыецъ, Бойко и т. п., встрѣченныя гдѣ нибудь въ Бассейнѣ Дона или Волги, суть мѣлкія иллюстраціи великаго теченія народа на востокъ.

²⁾ Стр. 275—282 обозначены ошибочно вм. 675—682.

скомъ, Чортковскомъ, Черновецкомъ у. лѣтомъ туда ставятъ пасѣки, (Гол. I, 566) и др. (см. ib. 562 et pass.).

Съ другой стороны можно бы ожидать, что инья изъ этихъ названій, хоть съ затемненнымъ значеніемъ, изъ горъ перейдутъ на сѣверъ и сѣверо-востокъ; однако такихъ случаевъ удалось замѣтить очень мало:

Въ вост. мр. «тамъ такі нѣтрі, такі яри та *бескѣди*...»; въ одной рукописной мр. поэмѣ (авторъ, кажется, — Кременчуг. у. Полт. г.) я отмѣтилъ: «тамъ *бескета*, тамъ западня, твань»; «темная *бискета* глубокого провалля». Это врядъ-ли можетъ быть отдѣлено отъ *Бескидъ*, *Bieszegad*, гряда горъ и горныхъ пастьбищъ, полонинъ, съ зап. на вост. отъ Яблонковского перевала до истоковъ Стрыя на сѣв. склонѣ Карпатъ и Латорицы на южномъ. Сближеніе этого слова дѣлаемое канон. Петрушевичемъ (Гол. I 558) некажется мнѣ убѣдительнымъ.

Грунь ж., соб. имя горы (Гол. I, 562), какъ нарицат. — покрывшая лѣсомъ возвышенность (Wah. I. с. 51); у Подгальянъ *gruń strmé ubośi*; слов. «z gruńa do doliny, a z vrška do hory (Koll. I, 103 у Дювернуа, Объ ист. насл. въ слав. словообр. 5). Въ вост. мр. въ смыслѣ нарицательномъ не встрѣчалось, но *Грунь*, ж., село между Ахтыркою и Зиньковомъ, на лѣсистой возвышенности, идущей по правому берегу р. Ворскла (м. р.). Г. Дюверуа I. с. смѣшиваетъ это слово съ вр. *грунь*, ж., малая рысь (ити на *груняхъ*, *груню*; *взрунь*, нар. шибко, съ *вз-* начинательнымъ, какъ въ *на взрыдъ*, мр. *наздогн*), куда и ст. русс. «пойдоша къ собѣ на грунахъ обон, Лавр. 161; да пойдуть тихо на грунахъ, Ип. 93,5. Наиболѣе вѣроятно, что *гру-нь*, рысь = **грж(д)нь*, съ опущеніемъ *д* [какъ въ ст. сл. *повонь* (Mikl. Lex. Jo Экз.; Библ. 1499 у Бусл. Матер. для ист. писем. 49), мр. (галиц.) *повень* (Wahil. Gram. IX), *пови́нь* powódz, наводненіе, и какъ въ вр. *запань*, заводъ, заливъ], и съ корнемъ одинаковымъ съ польск. *gręda* (= **гржда*), рысь и градъ. Менѣе удобно предположеніе основной ф. съ *у* (не съ *ж*) и безъ *д*, при чемъ *гру-* = **гар* (скр. *джар*-а-тѣ двигается, приближается, подходит, BR., б. м. родствен. съ *чар*-, *сигго*). Я говорю здѣсь объ этомъ потому, что послѣднее объясненіе въ звуковомъ отношеніи годилось бы для *гру-нь*, лѣсистая гора (к. **гар* (= **гру*), что въ *гора* — если бы это слово своимъ начальнымъ *g* (а не *h*) въ словацкомъ не указывало на свою иноземность. Ср. серб. *грумен*, глыба и сред. лат. *gruminus*, *acervus* (Matzenauer Cizi sl. s. v.).

Въ стихѣ «Ой летіла зозуленька черезъ діловання» (Чубин. V, 468),

а въ другомъ варіантѣ *делування*, можетъ значить «черезъ гору». По крайней мѣрѣ мнѣ невидно смысла въ предположеніи что здѣсь — *диловання* = п. *dylowanie*, das *Dielen* (криниченька дилѣм дилѣвана, Чуб. V, 157, 363, рубленая, со срубомъ). Ср. глубокодревнее *дѣль* въ зн. горы (какъ водораздѣла? серб. *дѣјел*, *део*, гора; *уздијел* — взгору), оставшееся въ Карпатахъ и какъ нарицат. (ср. *дѣль*, *Wah. Čas.* 1841, 51 = *mírná vyšina*), и въ соб. именахъ: *Сухарь-дѣль* (= діл), въ Буковинскихъ Карпатахъ, на зап. отъ села Якобень (Гол. I, 564), *Рускій дѣль*, *Ямненскій дѣль* (ib. 686); въ Ипатьев. лѣт. (175). — *Борсуковъ дѣль*, на пути отъ мѣст. Шипота черезъ Кирлибабу въ мѣст. Родну (Голов. ib. 579).

Уже какъ нѣчто непонятное звучать въ колядкѣ, запис. въ Уманскомъ у.

«А в лісі, лісі, лісі недоборі...»

(Чуб. III, 419).

Здѣсь — указаніе на происхожденіе этого варіанта стиха. *Недоборъ* есть *Медоборъ*, о коемъ у Голов. (I, 555—6) — слѣдующее: сѣверная половина пространства на сѣверъ отъ Днѣстра, ровная и лѣсистая (Полѣсье), съ юга окаймлена крутыми спусками отроговъ Европейскаго водораздѣла (*Медоборы* и *Товтры*); южная же половина (Ополье и Подолье) представляетъ плоскую возвышенность, съ которой параллельно текутъ притоки Днѣстра.

При вышеупомянутомъ *щолб*, *culmen*, вост. мр. *щолопок*: «почва-лав на щолопок у край гори»; «виліза меж люд на щолопок (видное мѣсто S) з закамарка» (ркуп. стихотв. Бублия).

Затѣмъ авторъ переходитъ къ тремъ названіямъ этнографическаго характера: *Гуцулы* (685), *Бойки* (712) и *Лемки* (775).

Гуцулы или *Гомулы* — русскіе горцы въ Станиславскомъ и Коломыйскомъ у. Галиціи а также въ Мараморошѣ и Буковинѣ «Названіе ихъ производятъ отъ рум. *гоцъ* или *гуцъ* (разбойникъ) съ членомъ -у... Это имя могло быть сначала нарицательнымъ браннымъ» (686). Оно встрѣчается впервые въ занесенныхъ въ актовыя книги начала XVIII в. дѣлахъ о разбояхъ опришковъ, въ шайкахъ коихъ, что характерно, находились и Бойки, и Волохи (ib), но конечно гораздо древнѣе этого времени, равно какъ и тѣсно связанное съ нимъ нариц. *опришокъ* (ib. 706, 11).

Опришки для мѣстностей, населенныхъ Гуцулами и Бойками,

были до половины XVIII в., а въ преданіи остаются до нынѣ тѣмъ, чѣмъ для южныхъ славянъ гайдуки и ускоки. «Пійти у опришки» (Г. I, 164) имѣло при себѣ синонимичное «пійти въ гайдамахъ» (Žeg. Pauli. P. L. R. II, 201). Говоря вообще, въ опришки шли люди не съ дуру ¹⁾, не изъ жажды наживы, которая могла служить лишь второстепеннымъ побужденіемъ, а потому, что, какъ говорить серб. пѣсня о гайдукѣ Новакѣ, ихъ гнала «голема неволя» «врат ломити, по гори ходити». Коломыйка, запис. въ Чортковскомъ у. говорить:

Черезъ тиі рекруточкі, чересъ тиі Ляшкі
Покѣдаю вітця, матер, та йду в гайдамашкі.

Ž. P. II, 205.

До рекрутчины бывало другое подобное, такъ что основы карпаторусскому гайдамачеству могли быть положены одновременно съ переходомъ Галичины подъ власть Польши, а можетъ быть и до этого. Авторъ приводитъ слова Длугоша объ исконныхъ насельникахъ и дѣдичахъ земли Русской и Подольской, которые, будучи тѣснены лакомствомъ польскихъ пановъ, понуждаемые бѣдностью и отчаяніемъ, бѣжали къ Татарамъ и наводили ихъ на свою прежнюю батьковщину (Г. I, 628), и извѣстіе Кромера подъ 1491 г. о нѣкоемъ Мухѣ, *rusticanus homo*, который, набравши изъ Волоши и Покутской Руси 10,000 войска, воевалъ съ Поляками (ib. 692 — 3). Поселеніе Волоховъ въ Буковинѣ — массами. а отдѣльно и въ другихъ мѣстахъ Галицкой Руси, связало и ихъ съ карпаторусс. гайдамачествомъ и дало, по всей вѣроятности, самое имя Гуцуламъ. Опришки, между прочимъ именно Волохи, нѣсколько разъ упоминаются въ запискахъ современниковъ о Хотинскомъ походѣ (Ramiętniki o wyprawie Chocimskiej, r. 1621. Z rękopismów współczesnych i druków mniej znanych zebrał Żegota Pauli. Krak. 1853): Подъ 14 авг. 1621: «Opryszkowie, padłszy na czeladź, co po trawę z tamtej strony Dniestru jeździła siła ich pobili i żywcem pojмали (стр. 115; тоже подъ 27 и 29 авг.: «Opryszkowie z Tatarami się złączywszy... 122—3). Подъ 2 сент.: «ks. Czartoryski z ludem swym pod Żwańcem stanął, o północy od opryszków Wołoszy rozgromiony tak, że mu i czeladź pobito i konie pobrano (ib 78). 5 septembris, w niedzielę: Wołoszy, która w kuczkach i w budkach pod zamkiem mieszkała, dla tego że opryszkami przed tem byli (да еще были-ли) i o Janczarach, których

¹⁾ «Такъ, отъ нѣчего дѣлать, со скуки». Это мнѣніе В. Кельсіева, почему-то цитируемое Авторомъ (I, 707).

się kilkaset do nas przekinać... chciało, Cesarza przestrzegli i obóz znać (!) w nocy zapalić mieli z naprawy nieprzyjacielskiej.... zrzucono z mostu osób kilkadziesiąt....; białym głowom i dzieciom nieprzepuszczano, i to stipendium, iż ono, mając związane nogi i ręce, gdy je do wody miotano, a jednak tak dobrze płynęli, namniej się niezalewając ¹⁾, aż ich na wodzie z muszkietów bito i strzelano» (48; ср. ib. 81: Волохи занимались маркитанствомъ и обозная челядь при избіеніи ихъ могла имѣть въ виду выручить заставленные у нихъ вещи). Подъ тѣмъ-же числомъ: «Dostali kozacy opryszka jednego z Rzepnicy Rusina, który przenajęty od Cesarza Tureckiego za dwadzieścia czerwonych złotych i obietnicami wielkimi omoroczony, miał być zapalić obóz nasz; na mękach powołał kilku poddanych p. Humińskiego... a sam nazajutrz gardło dał od rąk katowskich» (ib 133). Подъ 12 окт.: Gromili naszych też ukradkiem Tatarowie i po gościńcu do Kamieńca oprzyszkowie» (180; ср. 182). Опришки упоминаются здѣсь, какъ нѣчто давно извѣстное: т. о. южная опришнина документально немногимъ новѣе Московской, изъ чего неслѣдуетъ, что между этими явленіями была другая связь, кромѣ этимологическаго смысла имени.—Въ свр. причитаньи вдова говорить:

«Вся въ собраньицѣ любимая семеюшка.
«Они пьютъ, сидятъ теперь да угощаются;
«Ужъ какъ я, бѣдна кручинная головушка,
«Опришенна отъ любимой отъ семеюшки,
«Отряхнулась я отъ свѣтлой новой свѣтлицы,
«Отрѣшилась самоваровъ я шумячихъ
(Барсовъ, Причит. 40);

Сирота:

«Навязалася злодѣйка лиха мачиха:
«Ейны дѣти бытто сыръ въ маслѣ катаются,
«Опришенной я, какъ варомъ обливаюся...
(ib 85—6).

Конечно, ошибочно мнѣніе издателя, что *опришенной* есть отрѣшенный.

Южные опришки были тоже люди волею-неволею ставшіе *оприснь*, кромѣ, внѣ общества, вдали отъ его относительнаго спокойствія и удобства. Вѣроятно большинство опришковъ могло-бы примѣнить

¹⁾ Ср. топление вѣдьмъ въ «Конотоп. вѣдьмѣ» Квитки.

къ себѣ то, что въ коломыйской пѣснѣ говорить о своемъ положеніи попадя Маруся, ставшая любовницею опришка:

«Ой як же мені сумненькій небути?
«Ненавчила я ся корчима ходити,
«З звора воду пити, с торби хлібом жити,
С торби хлібом жити, на камени спати...
...«Ой як же мені та несумовати?
Покинула ж бо я попа молодого,
Попа молодого та ще недужого,
Детинку маленьку, та й росповитеньку,
Коровки дійнії та й слуги вірнії:
Попонько читає, мене споминає;
Детину купают, мене споминают;
Коровки ревут, волосінько мечут,
Детинонька плаче, серденько вриває,
Мені молоденькій все жалю додає!

(Гол. I 156).

О въ *о-приснь*, *о-присньо*, коиъ неслѣдуетъ смѣшивать съ *опроче*, *опрочь* (въ моей ст. Зам. о мр. нар. 30), можетъ значить тоже, что въ *о-проче*, *о-кромѣ*, *о-собѣ*. Впрочемъ не отъ него зависить въ самомъ *приснь* знач. *особый*, отдѣльный, разившееся изъ знач. близкій, родственнѣй, свой, собственнѣй. Этому «статѣ о собѣ» въ *опришникѣ*, *опришокѣ* соотвѣтствуетъ серб. одврѣи *се*, *одметнути се* у хайдуке (съ обозначеніемъ мѣста, куда: у равно приморје, Кар. П. II, 401—2).

Въ южной опришнинѣ, какъ и въ гайдамачествѣ XVIII в., мало замѣтно сознаніе высшихъ политическихъ и соціальныхъ цѣлей, что немѣшало народному сочувствію быть на ея сторонѣ. Замѣчательно между прочимъ слѣдующее: «На Добошеву хату, Добошеву кирицу указываютъ еще и нынѣ... какъ на священные памятники, а потомки Стефана Извинки, убившаго изъ ружья Олексу Добоша ¹⁾ (ок. 1739), живутъ до сихъ поръ въ селѣ Космачѣ особнякомъ, подъ народной опалой. Никто ни дружится, ни сообщается съ ними» (Г. I, 709; ср. ib 686 прим. Пѣсня о Добошѣ въ Рус. Днѣстр. 7, Гол. I, 152). Какъ Фридрихъ Рыжебородый, Марко Королевичъ, Стенька Разинъ, Михайликъ (Кулиш, Зап. о Ю. В.), Добошъ принадлежитъ къ лишь на время удалявшимся ге-

¹⁾ Одинъ изъ послѣднихъ, памятныхъ народу опришковъ.

роямъ *entrückung, bergentrückung*), которые рано или поздно должны возвратиться: «Сонечко вже потало у Чорнугору, щоби там нашому панові Добошеві поклонитися, тай ёго у «красний храм» (на храмовой праздникъ) запросити. Чогось баритця ще любчик наш, але прийде він колись, хибя би тоту Чорнугору вітер уж роздув» (Въ одной изъ повѣст. Федьковича, по видимому на основаніи народнаго сказанія).

По свѣдѣніямъ 1872-4 г., подробно приводимымъ авторомъ (I, 688-91), Гуцуловъ въ Галичинѣ, Буковинѣ и Угорщинѣ за 107,000. — Изъ сообщаемого авторомъ о ихъ бытѣ, особенно о главномъ занятіи, скотоводствѣ, отмѣчу нѣсколько словъ подтверждающихъ другія соображенія о томъ, что карпатскіе горы до нѣкоторой степени обособились не только въ силу условій мѣстности, но и въ силу инопороднаго южнаго, преимущественно румынскаго вліянія. Таковы:

Бриндза (п=ы), родъ овечьяго сыра, слово вм. съ самою вещью получившее извѣстность и далеко на сѣв. отъ Кракова; Рум. брѣнзъ *brânză*, сыръ (*Matzenauer*).

Вурда, овечій творогъ, бѣлѣе брынды и менѣе жирный, сл. перешедшее и въ восточную Малороссію, гдѣ приготовленіе сыра кипяченіемъ молока въ народѣ мало извѣстно, уже со значеніемъ творогообразной накипи (бармы) на маковомъ молокѣ, за тѣмъ — *макухи*, маковыхъ и конопляныхъ выжимокъ («вареники з урдою»). Серб. хорв. *урда*, лат. *coagulata*, словац. *serum lactis*, рум. урдъ творогъ.

У Лемковъ *кляжк* (к = лат. g), у Гуц. *кляжк*, молоко ссѣвшееся въ телячьемъ желудкѣ, самый этотъ желудокъ, употребляемый для створаживанья («молоко згледжилось»), словац. морав. *glag, klag, coagulum*, Греч. (гомер.) γλάρος, молоко. «Это указываетъ, говоритъ Авторъ, на близкія сношенія нашихъ карпатскихъ горцевъ съ Греками въ самой отдаленной древности, когда, по словамъ Нестора, «Словѣне сѣли суть по Дунаеву» и пр. Тамъ въ сосѣдствѣ Греціи предки нашихъ Гуцуловъ, Бойковъ и Лемковъ научились *кляжати* молоко и дѣлать брынду. Оттуда они вынесли слова, какъ *комба* (пастушій шалапъ, *καλύβη*) и *Бескиды* (горныя пастбища, *βόσκη*)» стр. 700—1,558. Мнѣ это кажется весьма сомнительнымъ, ибо, если-бы кляжкъ было заимствованіемъ столь древнимъ, то въ немъ к = лат. g измѣнилось-бы въ г = лат. h. Заимствования съ Греческаго, конечно посредственныя, встрѣчаются и относительно новыя, напр. черноморское *агел*, кошара для овецъ (*ἀγέλη* стадо) — отъ

румын. чабановъ въ XVIII в. (Я. Кухаренко, Вівці и чабани въ Черноморіи, Основа 1862, май), или слышанное мною отъ старухи въ Ром. у. Полт. г. *аркиат*, работникъ, наймитъ (серб. аргат, гр. ἐργάτης), от Сербов или Болгаръ. Замѣчу еще, нерѣшаясь на какіе-либо выводы, большое сходство сл. *glag* съ Лит. *krėkėti*, створаживаться, *krėkenos* ж. мн. молозиво, *sąkrėkos* ж. мн. = *кляканный сыр* (слово извѣстное, хотя и мало, въ вост. малоросс. оно есть и въ Грамат. Павловскаго).

Пастухи въ горахъ доятъ весь скотъ (т. е. овецъ, козъ) въ *галъ* (въ одно мѣсто), сливаютъ молоко въ мѣдный котелъ, нагрѣваютъ съ небольшимъ количествомъ *клеку*, затѣмъ собираютъ творогъ въ *бундзы* или *будзы* (большіе комья; у Бойковъ — *чудки*, Wahilew. Čas. I. с.), просушиваютъ на полкахъ, переминаютъ съ солью и набиваютъ брынду въ *бербеницы* (бочонки, рум. бербенць, мадар. *berbencze*, которое по Миклош. Fremdwört. м. б. слав. происхожденія, во всякомъ случаѣ заключаетъ въ себѣ слав. суффиксъ).

Струнка, заборъ особаго устройства въ *стаѣ* (оградѣ для скота), приспособленный для доенія *дробу* (*дриб*, мѣлкій дойный скотъ), словац. *strunga*, id., серб. *струпа* id. и вообще отверстіе въ плетнѣ, заборѣ, рум. *струнгъ* отара, алб. *štrungъ*, н. греч. στρουγγα, ограда, обора. У Гуцуловъ въ оградѣ, называемой загорода, въ одной стѣнѣ оставляются между кольями такія отверстія, что чрезъ нихъ овца или коза можетъ пролѣзть. Когда настанетъ пора доенія (рано утромъ и вечеромъ, когда пригонять скотъ съ паши), пастухи присѣдаютъ съ дойницами внѣ ограды въ дырахъ струнки, а одинъ идетъ въ загороду и батономъ нагоняетъ овцы въ струнку, приговаривая *птрутъ-гá! Фють!* Когда овца собирается пролѣзть сквозь отверстіе, стоящій снаружи задерживаетъ ее, выдаиваетъ, пускаетъ вонъ и принимается за другую, тѣснящуюся за первую (Г. I 700). Если русс. *приструнить*, припереть, строгостью заставить что-либо дѣлать, зн. соб. «припереть къ стрункѣ» и отлично по происхожденію отъ *струнить* волка, лису, т. е. поймавши живьемъ, перевязывать сворой рыло; то сл. струнка было извѣстно и въ вост. Малороссіи. Однако въ Черноморіи, куда вмѣстѣ съ бывшими запорожцами переселилось при Екатеринѣ отъ Днѣстра немало Волоховъ, знающихъ чабанское дѣло, оставившихъ послѣ себя и до нынѣ прежніе чабанскіе порядки и терминологию, большею частью нерусскую, это слово неизвѣстно, а вмѣсто него употребляется русс. *роскія* (Я. Кухаренко. I. с.).

Плекати. Передъ «половинскимъ ходомъ» «лихо визимованихъ» яг-

нятъ, которыя недойдутъ въ полонину, хозяева отдаютъ бѣднымъ вдовамъ и сиротамъ, «щоби собі *виплекали*» (Гол. I 698). Въ Черноморіи «овець вимѣятих (з порченим вимѣям) відлучають в ялову, а ягнятко *плякається* чабаном під другою вівцею молошною... Коли одна вівця *непопляка* обох ягнят, то...» (Кухар. I. с.). Отсюда въ Галиц. *плекати*, воспитывать вообще, нѣм. *pflegen*?

Еще одинъ чабанскій терминъ неяснаго для меня происхожденія, но несомнѣнно заимствованный, даетъ поводъ разсмотрѣть и всю пѣсню, въ коей онъ встрѣчается. Пѣсня эта (у Гол. I, 225—6; II, 678; III, 29 (№ 18), 189—90, 293—4; Чубин. V, 414), весьма извѣстная и на вост. (напр. въ Харьков. г.), содержаніемъ, а отчасти и формою своею указываетъ на то, что она идетъ отъ Днѣстра или Прута. Одни изъ лучшихъ варіантовъ именно буковинскіе.

Владѣлецъ стада и вм. съ тѣмъ чабанъ, отаманъ, *ватаг* (у Гуц. старшій пастухъ, начальникъ *стаи*; Микл. ср. съ рум. *вѣтав*, дух, но здѣсь, кажется, скорѣе Румыны взяли отъ Руси впрочемъ нерусское слово)

... вівці *корняє*,
теленочку *виграє*
 (Г. I, 226: *корняя*, *выграя*).

Корняти = черномор. *пурняти*; *пурняло*: лѣтомъ, напоивши овецъ ночью идутъ «на пурняло» на ночной попасъ (Кухар. I. с.). Стало быть въ пѣснѣ чабанъ останавливаетъ или гонитъ отару на отдыхъ. Согласно съ этимъ *теленочка* можетъ б. сближено съ серб. (заимств.) *тенан* въ выраженіи «на тенану», *bei musse, bequiem*, и есть б. м. мотивъ, играемый на сопилкѣ или козѣ (ср. у Кухар. I. с. описываемый имъ чабанскій наигрышъ «штирі — вирі»), какъ сигналъ, на шабашъ, или просто на досугъ.

Этотъ «ватагъ» на мѣстѣ отдыха созываетъ своихъ чабановъ, даритъ имъ по овцѣ (Харьков. вар: На молодці гукає: «Ой ви хлопці молодці! Ой нате же вамъ по вівці) и поручаетъ имъ сказать дѣвкѣ, чтобъ она его неждала, лѣтъ нетеряла, п. ч. я молъ еще молодъ, да и (иронія) бѣдень:

«Стадо коней въ бушнику,

(т. е. въ бучнику, буковомъ лѣсу; такъ слѣдуетъ читать вм. въ бужнику, Гол. I, 226; вар. *въ дубнику*, появился тамъ, гдѣ уже нѣтъ бука)

«Скриня з грішми в земнику,
 «Сім сот овец дійнику (Гол. в дійнику),
 «Ялівнику без ліку,
 «А дівчина — в літнику»,

т. е. только у нея и есть, что на ней лѣтникъ. Онъ боится неровни, какъ Волоскій воевода въ пѣснѣ XVI в. (моя ст. Мр. н. п. по сп. XVI в. 3). Но на сторонѣ дѣвицы тоже сила: по совѣту матери, она чаруетъ, варить приворотный корень, идеальное растеніе *розмайзілля*. *Розмій-зілля* есть вост. мр. искаженіе, угорскорусскаго *розмарія* *rosmarinus*. (Гол. I, 337, и пр.) Эта послѣдняя форма вмѣстѣ съ символическимъ значеніемъ розмарина (дѣвство, и пр.) зашла черезъ Словаковъ отъ западныхъ Славянъ: у Хорватовъ Угорскихъ «Mila moja, mila, ruda (ruta?) rozmarija», Kurelac, Jačke, 25; у В. Луж. дѣвичій вѣнокъ изъ руты, розмарина (*rósmarija*), гвоздик, Schmalzer — Н. II, 183. Въ силу этихъ чаръ привороживаемый долженъ прилетѣть по воздуху ¹⁾, но на вопросъ

«А що тебе принесло?
 «Чи човенчик, чи весло?

онъ отвѣчаетъ:

«Приніс мене сивий кінъ
 «До дівчини на поклін.

Отсюда видно, что и самыя чары — только черта условнаго поэтическаго языка, а въ дѣйствительности это «чари готові: білеє личко и чорні брови (Гол. III, 30 и др.). Хотя отрывокъ, записанный въ Мукачевскомъ уѣздѣ, прибавляетъ весьма реальную подробность полета, именно, что причарованный опустился на вершину груши (такая черта встрѣчается въ разсказахъ о полетахъ при помощи помощи вѣдемскихъ снадобій), но смягчаетъ этотъ реализмъ символизмомъ:

Голуза ся схилила,
 Милейка ся вклонила (Г. III, 243).

Въ первыхъ стихахъ пѣсни:

По тім боці Дуная,
 Недалеко від края
 Чабан...

¹⁾ Ср. Карадж. Пјес. I, 350, гдѣ такія же чары, размѣръ тотъ же (4 + 4), но пѣсня совсѣмъ другая.

слѣдуетъ видѣть не географическое указаніе, а такой же символизмъ, какъ и въ другихъ началахъ той же пѣсни:

При бѣрезі, при морі
Гуляв козакъ доволі. (Г. III, 29),

коими объясняется уже вовсе лишенное реального смысла

Ой *на* морі, на морі
Гуляв козакъ... (Чуб. V, 414)

Образъ «быть у воды, около воды» значитъ: быть въ порѣ любви, любить; этому состоянію молодца въ рассматриваемой пѣс. соотвѣтствуетъ у дѣвицы то, что она

По свѣтлонці ходила
Косу русу чесала,
На молодці моргала (Г. III, 29)

Т. о. относительно реальны здѣсь только черты чабанскаго быта и богатства. За позднѣйшія искаженія считаю 1) то, что въ нѣкоторыхъ вар., м. б. подъ вліяніемъ реально понятаго начала п. съ Дуная, вм. овецъ—гуси, а вм. овчаря почему то писарь:

На широкім Дунаю
Писарь гуси зганяє (Г. II, 678);

2) что во мн. вар. стоить «чабан вівці *ганяє* или «*зганяє*» (замѣна термина *корняє-пурняє*, ставшаго непонятнымъ); 3) то, что въ вар. у Г. III. 189 чабанъ за причину отказа дѣвицѣ выдаетъ:

Бо я хлопецъ молодой
Ще до того *войсковий*;
Як я піду на війну,
Тебе лишу на біду...,

но тѣмъ не менѣе въ концѣ совсѣмъ некстати описывается богатство чабана и противопоставляется тому, что «дівчина въ літнику».

Позволю себѣ еще выписать слѣдующее:

«Полонины (какъ Нѣмцы называютъ, die Alpen), нагорныя пасть-

бища, пространствомъ отъ 500 до 1000 десятинъ и больше, принадлежать нѣкоторымъ богатымъ владѣльцамъ изъ крестьянъ. Однако же общинное право, сохранившееся съ древнихъ временъ, допускаетъ всѣхъ жителей деревни пасти свой скотъ за условленную награду владѣльцу земли. Плата постановлена натурой (8—12 бербеницъ брындзы за лѣто) и землевладѣлецъ не смѣетъ ее отмѣнить. На основаніи этого обычая бываетъ ежегодно передъ *полонинскимъ ходоу* сгонъ скота на пробное доеніе (*мѣшеніе*). Для *мѣшенія* выбираютъ близъ полонины лежащую гупульскую усадьбу съ просторной *цариной* (поляной). Въ условленный день каждый хозяинъ, желающій въ извѣстномъ полонинскомъ пашеннѣ участвовать, пригоняетъ весь свой дойный скотъ на мѣсто мѣшенія. При угощеніи хозяиномъ усадьбы, нанимаются на лѣто пастухи (*вѣчери бутей, ледіні*) и выбираютъ изъ нихъ *ватагъ* или *ватажко* и старшій пастухъ. Плата (сембриля) производится также брындзой съ придачей по парѣ постоловъ (кожаныхъ лаптей). Послѣ пригостовляютъ извѣстной вмѣстимости дойницу или гарчикъ, въ который каждый хозяинъ, при свидѣтеляхъ *ватагъ* и *леденягъ*, доитъ свой скотъ. Они мѣряютъ и отмѣчаютъ на особой къ этому дѣлу приготовленной дощечкѣ (*лешаткѣ*) нарѣзомъ или зарубкой (не «чърты» ли это и «рѣзы» «черноризца Храбра», спрашиваетъ авторъ), сколько гарчиковъ было молока съ $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{8}$ и пр. Сообразно пробному удою, опытные овчари разсчитываютъ, сколько хозяинъ долженъ получить брындзы или урды за лѣто...» (I, 697).

Для объясненія термина *мѣшеніе* важны значенія серб. *мијешати* (незанесенныя въ словарь Караджича): а) сравнивать: «ништа се са здрављемъ помијешало није»; «ништа се с образомъ није измијешало» = ничто не можетъ сравниться со здоровьемъ; нѣтъ ничего дороже чести (стыда, совѣсти), Кар. Посл. 225, 274; б) мѣнять, торговать: «са својимъ и пиј и једи, али ништа немијешај (v. нетргуй)» ib 275. Значеніе сравненія и мѣны предполагаетъ зн. измѣренія, во всякомъ случаѣ тѣсно связано съ нимъ: скр. *мá* — *metiri*, въ Ведахъ зн. также мѣнять (*tauschen, wechseln*); вр. *примѣрять*, сравнивать = *примѣнять*: «лицо... примѣнить къ свѣгу бѣлому, щечки къ маку алому, русы волосы—къ травонькѣ къ муравонькѣ» (Перм. Сб. I, 32; Даль Слов.); *примѣряться* къ чему = *примѣняться*, приспособляться. Думаю, что вышеприведенное серб. *мијешати* зн. первоначально мѣрять; юр. *мѣшеніе* — соб. измѣреніе; то и другое можетъ быть отнесено къ тому *мѣс-*, возводимому къ *мá* мѣрить, которое въ *мѣс-аць* (какъ измѣритель времени), и отдѣлено отъ скр. *мис*, (въ

мисра), слав. *мѣсити-мѣшати*, лит. *miszti-maiszyti*, miscere, смѣшивать.¹⁾

Лещадку съ нарѣзками раскалываютъ пополамъ, такъ чтобъ на обѣихъ половинахъ оставались тѣ же значки; одну половину беретъ владѣлецъ скота, а другую ватагъ, для справокъ (Г. I, 698). Эта архангелская форма обоюдной расписки примѣняется, какъ мнѣ сообщали, въ вост. Малороссіи, когда на пр. къ куску сукна, отдаваемого на сукновальню, привязывается одна половина расколотой вдоль бирки, между тѣмъ какъ другую беретъ тотъ, чье сукно.

Самое сл. *лещадъ* — а) палка, расколотая съ одного конца, для ущемленія чего либо, на пр. для съема съ дерева плодовъ (ср. ст. русс. *про-скѣпъ*, Лавр. л. подъ 1071, серб. *прошѣп*), а также, какъ выше, и совсѣмъ расколотая; вр. плита (какъ отколотая: *лещитъ* камень, колотъ). Поль. *leszczotka* = лещадка. Ср. лит. *reszku, rekszti*, рвать, на пр. цвѣты, плоды (значеніе сродное съ *чесать* въ см. рвать и колотъ, мр. одчахнути); *rėkszcei, in*, вилы сѣнные. Иначе Миклошичъ, который въ Gram. II, 210 сравниваетъ *лещадъ* въ см. плиты съ *лѣск* — въ *мѣшати* сл.

Бойками (ед. *Бойко, Боѣкъ, Бойцунъ*) называютъ жителей сѣвернаго склона Карпатъ отъ Ломницы на востокъ до истоковъ Днѣстра, въ Стрыйскомъ и Самборскомъ у. «Въ Дрогобичѣ, Добромиль, Перемишлѣ, Львовѣ говорятъ: Бойки — за Днѣстромъ, въ горахъ». «Гуцулы говорятъ: «вітер з Бойка повіяв», т. е. съ сѣверозапада, но по ихъ мнѣнію Бойки и надъ Прутомъ, и надъ Днѣстромъ; Подоляне у Гуцула тоже Бойки. Подгоряне въ Струтинѣ и Рожнятовѣ (Стрый. у.), стало быть въ мѣстностяхъ, которыя г. Кочубинскій (Отчетъ о занят., XVIII т. Зап. Новоросс. Ун., отд. отт. 40) почему то считаетъ средоточіемъ Бойковъ, сказываютъ, что далѣе на югъ въ Перегіньску, Ясінью, Сливкахъ *уже* Бойки; но Ясіньці отнѣкиваются, указывая на западъ, а съ ними и Вагилевичъ, тамошній уроженецъ, не называетъ своихъ земляковъ ни Бойками, ни Гу-

¹⁾ + мис-мѣрить внѣ связи съ *мишень*, щитъ для стрѣльбы въ цѣль (= серб. *мишан*, scoris вѣроятно изъ тур-тат.), а отсюда гербъ: «да два блюда лебежье, да два блюда гусины, одно гладко, а на другомъ четыре мишени, имя Вел. Кн. Ивана Васильевича... на десати мисахъ на краяхъ по три мишени, на шти мисахъ на краяхъ по мишенцу, а на дву мисахъ по мишени по Литовскому» Гр. 1509 г. С. Г. гр. I, № 147). Тамъ же отличены синонимы: «Имя Вел. князя... въ трехъ кружкѣхъ... *клейно*, а на *клейнѣ* звѣрокъ оленецъ золочень».

пулами, а чѣмъ то среднимъ между тѣми и другими (Г. I, 719—20). На прозвище «Бойко», именно, по видимому, съ присоединеніемъ эпитета «*животочеревій*», служить отвѣтомъ брань: «бойкнуло би тобі в череві» (ib). Поводъ и смыслъ этого эпитета неизвѣстны. Полс. *żółto brzuch*, *pasibrzuch*, обжора, чревоугодникъ. У Даля *желтобрюхъ*, желтопузь, безногая яшерца, *ophiosaurus serpentinus*, что въ примѣненіи къ племени могло бы напомнить серб. «змијо од Турака». При такихъ условіяхъ врядъ ли можно придавать важность тому, что по свѣдѣніямъ 1874 г. *считалось* (кѣмъ и по какимъ признакамъ) горцевъ Бойковъ 75,937 (Г. I, 716). Это число, а равно и неприбавленное къ нему 14,500 жителей Тухольщины (нѣсколько деревень въ верховьяхъ р. Орявы и Опора, по имени дер. Тухли и Тухольки), коихъ авторъ называетъ прямо горцами Берховинцами показываютъ не число Бойковъ, а число жителей такихъ то деревень

Авторъ допускаетъ, что страна Боики Константина Багрянороднаго *могла* находиться между Днѣстромъ, Ломницею и горами; что жителями ея *могли* быть нѣкогда Кельтскіе *Бои*: они ушли или истребились въ войнахъ, а остатокъ ихъ снизошелъ до положенія презираемаго окрестнымъ населеніемъ, но, и окончательно ослабнѣвъ, сохранилъ за собою прежнее прозвище (Г. I, 721). Пolemика автора съ Вагилевичемъ относится въ сущности къ степени достовѣрности мнѣнія этого послѣдняго о кельтизмѣ Бойковъ и къ частностямъ этого мнѣнія (ib. 728). Разъ мы въ кругу возможностей, можно допустить и то, что прозвище Бойко дано окрестнымъ русскимъ населеніемъ по неизвѣстнымъ причинамъ, въ родѣ приводимыхъ лѣтописью о Радимичахъ («Пищанци волчья хвоста бѣгають», подъ 896), и принадлежитъ языку этого населенія. Въ такомъ случаѣ можно бы думать о связи съ *боятися*. Говорятъ, будто «Бойко робокъ, неразвязенъ, но трудолюбивъ, тогда какъ Гуцулъ смѣлъ и лѣнивъ» (Кочубин. 1. с. 38), что впрочемъ какъ всякая общая характеристика значительнаго населенія («хохолъ лѣнивъ, хитеръ» и т. п.) сомнительно. Возможно, что прозвище Бойко, которое становится документально извѣстнымъ одновременно съ именемъ Гуцуловъ (1703—4, Гол. I, 719) относится не къ столь глубокой древности, какъ думаютъ, и сложилось подъ вліяніемъ мысли о противоположности характера Бойковъ и Гуцуловъ. Коломыйка:

Ой Гуцули, Гуцуленьки, де съте Бойка діли?

Ци ви его испеклисте, ци сирого зѣли?

— Ни ми его испеклисмо, ни сирого зѣли,
 Ино ишов черезъ гору та го вовки зѣли»
 (Г. I, 722)

въ окончательной своей формѣ неможетъ быть древнѣе имени Гуцуловъ, т. е. по всей вѣроятности, XIV вѣка, времени переселенія Румынъ въ Буковину, но м. б. — гораздо позднѣе. Во всякомъ случаѣ говорить о слѣдахъ въ ней людоѣдства. (Воеводскій Эт. и миѳ. замѣтки, Зап. Новор. Ун. XXV, отд. от. 57—8) весьма опасно. Въ другой редакціи, производность которой вовсе не очевидна, это — насмѣшка не надъ Бойками, какъ думаютъ о первой, а надъ Гуцулами:

Ой Гуцули, Гуцуленьки, де ви *батька* діли?
 Чи зварили, чи спекли, чи сирого зѣли?

Въ слѣдующемъ двустипіи, которое могло быть придѣлано вм. другого, какъ отклоненіе насмѣшки отъ Гуцуловъ, подъ батькомъ можно понимать отца:

— Не зварили, ни спекли, ни сирого зѣли,
 Лиш до сирої землі до суду зложили
 (Г. III, 478);

но можетъ быть первоначально здѣсь разумѣлся попъ и имѣлся въ виду потѣшный рассказъ, въ родѣ извѣстнаго на Руси: Попъ вообразилъ, что забеременѣлъ; отъ стыда пошелъ въ свѣтъ, нашелъ по дорогѣ замерзшаго, отрѣзалъ у него ноги вм. съ сапогами и взялъ ихъ съ собою; попросился къ людямъ ночевать и залѣзъ на печь. Ночью отелилась корова и хозяева положили теленка на ту же печь. Попъ проснулся, пощупалъ теленка, пришелъ въ удивленіе что такъ незамѣтно для себя отелился, и опять, отъ стыда, скрылся тайкомъ отъ хозяевъ. Хозяева утромъ нашли на печи ноги въ сапогахъ, подумали, что теленокъ съѣлъ попу, испугались отвѣтственности, ноги закопали, а теленка сожгли. Эта редакція слышана мною въ Пенз. губ., но могла быть другая, по которой сосѣди спрашиваютъ у хозяевъ:

Де съте батька діли?

а вм. батька потомъ поставленъ Бойко.

Послѣднимъ разсматриваетъ авторъ населеніе Низкаго Беекида отъ р. Сяна по Попрадскую долину въ Сандецкомъ у. Жители этой мѣстности сами себя называютъ *Русинами* или *Русняками*, а у сосѣдей извѣстны подъ именемъ *Лемковъ* (ед. Лемокъ, Лемакъ, ж. Лемчанка). Врядъ ли умѣстны сомнѣнія въ томъ, что *Лемки*, какъ думаетъ А. Торонскій, авторъ ст. «Русины—Лемки» (Зоря Галиц. на 1860), Я. О. Г. и др., прозваны такъ отъ употребляемой ими слова. частицы *лем* вм. *лиш*. Подобно этому за Карпатами «различаютъ русское населеніе тѣмъ, что называютъ однихъ *Лемаками* (отъ *лем*), другихъ (въ Мараморошѣ) *Лишаками* (отъ *лиш*), о чемъ сообщалъ Чапловичъ еще въ 1829 г»; между Угорскими Словаками прозываютъ однихъ (на Спизѣ) *Чопаками* (отъ *чо-пак*), другихъ (въ Земненскомъ комитатѣ) *Сотаками* (отъ *со* вм. *чо*, что), третьихъ *Тернаками* (отъ *трои* вм. *тегн*, теперь), (I, 726). — Всѣхъ русскихъ жителей этой мѣстности авторъ по Схематизму Перемышльской епархіи за 1874 г. насчитываетъ ок. 123,000. Предполагаемое уменьшеніе населенія противъ 50-хъ годовъ почти на 22,000 — весьма вѣроятно, т. к. объясняется неблагоприятными экономическими условіями, о коихъ упоминается въ вышеупомянутой ст. Торонскаго (Зоря Г. 403—4).

Въ соотвѣтствіе вышеупомянутому *мнѣнію*, отмѣчу слѣдующее свѣденіе, сообщаемое авторомъ. Ежегодно весною болѣе достаточные Лемки, занимающіеся перепродажей скота, преимущественно овецъ ¹⁾, отправляются на востокъ, къ Верховинцамъ. Они извѣстны даже Гуцуламъ въ Буковинѣ подъ именемъ Товтовъ (Мадьяр. *Tot*, Славянинъ). На Верховинѣ, по ихъ прибытіи, собирается сходка старшинъ изъ 20 — 30 селъ, на которой, послѣ угощенія, устанавливается *токма*, цѣна (овцы съ ягнятемъ, ярчука, ярки), отъ которой потомъ никто не смѣетъ отступить. *Токма* въ см. цѣны, достоинства, извѣстно у Гуцуловъ и по всей Верховинѣ-*токмита*, прицѣниваться, нанимать; *стокмитися*, стороваться (Г. I, 741).

Этимологія этого, по видимому, весьма древняго юридическаго термина, кажется довольно ясною.

¹⁾ Стало б. згонщики, гуртовщики, *прасолы*. Послѣднее слово—не отъ *пра* и *соль*, какъ понято это слово въ польскомъ и какъ по видимому думалъ Даль; *прас-олъ*, съ суф., какъ въ ст. *жуд-олъ бѣд-олъ* (мр. бѣд-ол-ага) и кор. **прак-*, откуда съ одной стороны *просити* и лит. *pirszti* сватать съ другой Лит. *perki* покупаю, *prekia, prekis* цѣна.

Есть нѣсколько сходныхъ случаевъ показывающихъ въ славян. и др. языкахъ существованіе, впрочемъ, весьма понятнаго перехода значеній отъ совмѣстности, близости въ пространствѣ къ сравненію, сходству, парности, равенству. Сюда, между прочимъ, относится предлогъ *съ* и нѣкоторыя слова родственныя *тък-нжти*, *pungere*, *tangere*: *тъчнѣ*, равенъ, сверстенъ (на пр. Лавр. 101, 9), собств. соткнутый съ другимъ или приткнутый къ...; *точно*, равно, именно, какъ будто. *Притѣча* въ знач. приткнутого къ слову, сказаннаго къ слову, и отсюда — сравненія, параболы (значеніе, неимѣющее непосредственной связи съ *притѣка*, *притѣча*, случай, несчастье; иначе Бусл. Оч. I, 18, 122—3; ср. 198), находитъ объясненіе въ слѣд: «да незазирайте мене, братикъ, понѣже вы псыѣхъ притѣчю (=сравню съ собаками) ...сего цѣща ни человекѣцѣ вась *притѣчю* (сравниваю съ...), нѣ звѣрии псыѣхъ, тѣже такоу звѣри, иже...» (Златостр. до 1200 г. Срезн. Пам. Р. П.). Значеніе парности — въ серб. «лиѣо (=лихо) или *тако*, нечетъ (лишка) или четъ, отличномъ отъ *тако*, *sic*; цсл. *тъкмѣ* четный, равный; Болг. *токму*, равно, Милад. 47, справедливо, *ib*, 49; карпаторусское *токмити*, подбирать чему пару, ровню и отсюда распредѣлять: «Самъ Боже (*sic* вм. Божій какъ у Голов.) Господь Токмит волики на три плуженьки.... овечки на три струвочки (*струнка* — см. выше), ...пчолоньки — та в три рядоньки» [Стрый. у. Гол. II, 14; этому въ другихъ вар. соответствуетъ: «*цугуѣ* коні, *паруѣ* воли на три плуги, *лѣчит* овечки на три струночки», Колум. у. *ib* IV, 111; «*шаруѣ* (=распредѣляетъ по *шарамъ* [series], верстамъ) коровки на три *желка* (? можно ли сравнить лит. *galas*, конецъ?)... *кладе* воли у три плуженьки, *стоженъки* — у три шароньки, *бджолоньки* — у три *лавоньки* (ряды), *срібло* — у три *бодноньки*», Стрый. у. *ib* II, 15]. Т. о. *токма* въ см. цѣны есть собственно договоръ, какъ *уравненіе* требованій и правъ сторонъ. Такимъ же *уравненіемъ* представляется въ нѣкоторыхъ словахъ и судъ. Само сл. *токма* вѣроятно относилось и къ судебному примиренію, судя по болг. «ѣдно Гърче.. ни сѣ мирит, ни се *токмит*» (при дѣлежѣ добычи); *тъкмежѣ* во Влахо-болг. грам. — *factum* (Mikl. Lex.) ¹⁾

Въ заключеніе приведу мѣста, до нѣкоторой степени характе-

¹⁾ Не слѣдуетъ смѣшивать съ болг. *такам*, серб. *такум* (из турец.?) сбруя украшеніе, Милад. 29; «се промени, се *натокми*», Верков. Н. п. Макед. Буг. 319.

ризующія воззрѣніе автора на вопросы, съ коими вообще трудно разминуться наблюдателю быта, языка, поэзіи, именно — на народность, на ея процвѣтаніе и порчу.

«Горцы и Подгоряне, вообще охраненные природными заборами — горами и лѣсами, находились всегда въ какой-то разобщенности съ остальнымъ міромъ, жили въ замкнутости и менѣе поддавались вліянію чужеземщины. Они относились ко всему, что только выходитъ изъ предѣловъ ихъ мѣстности, съ какою то недовѣрчивостью и боязнью. Чужая рѣчь, чужой обычай, чужіе порядки и все, что выходитъ изъ области бытовой народа, или что выше его умственного кругозора, все это для него чужеземное, чужестранное: «то-то не по нашему, не по христіански!» Горецъ непринимаетъ его, даже смѣется надъ нимъ. Благодаря этой замкнутости, отчужденности, отчасти и господствующимъ у него предразсудкамъ, народъ неподдавался и неподдается вліянію Поляковъ, Мадьяръ и Нѣмцевъ, удержалъ свой старинный языкъ, свой древній обычай, свой народный бытъ, и тѣмъ спасъ свою народность» (I, Объясн. этногр. карты 723). «При распредѣленіи обрядныхъ пѣсень» (и др.) «обращалось мною вниманіе на мѣстность, въ которой онѣ поются. Въ этомъ отношеніи я наблюдалъ географическое положеніе страны, этнографическія особенности народнаго быта и разности языка, смотря на край, былъ ли онъ болѣе, или менѣе подверженъ *на-чужбному вліянію чужестранцевъ и чужезычниковъ*. Съ этой точки зрѣнія всего цѣльнѣе сохранилась Русская народность, а съ нею и чистота обычаевъ и языка, даже высшее достоинство и красота пѣсень въ Закарпатскомъ краѣ, или собственно на сѣверовосточномъ погорьѣ Карпатъ, особенно у Гуцуловъ» ¹⁾. «Къ нимъ близко подходятъ пѣсни Верховинцевъ и Бойковъ». . . Пѣсни жителей «Сѣверозападнаго погорья, Лемковъ, двояки: одни имѣютъ русскій (мѣстный) обликъ, другія же заимствованы или передѣланы изъ словацкихъ и польскихъ. Первые и по языку чище, вторыя же переполнены словацкими и польскими особенностями. Такія же по большей части и угорско-русскія пѣсни. Между ними есть даже и (прямо) словацкія» (IV, Распредѣл. и огл. пѣсень, 9—10).

Уже изъ этого, а равно изъ другихъ свѣденій, разбѣянныхъ по всему изслѣдованію (напр. о вліяніи Румыновъ), можно видѣть, что

¹⁾ Но вѣдь есть основанія думать, что постороннія вліянія на Гуцуловъ были весьма сильны. Что тутъ было движеніе, а не застой, на это можетъ указывать между прочимъ и новый характеръ Гуцульскихъ пѣсень.

горы вовсе неслужать надежной защитой отъ постороннихъ вліяній. Что до Лемковъ, то слова автора: «Лемко неперенимаеть отъ Мазура *ничего*» справедливы лишь въ томъ смыслѣ, что у Лемковъ замѣтно гораздо большее тяготѣніе по языку, одеждѣ и пр. на югъ, къ Словакамъ, и должны быть сравнены со словами мѣстнаго наблюдателя, А. Торонскаго: «рѣчь Русина Сандецкаго округа такова, что наблюдающій ее съ такого отдаленія, съ котораго нельзя разобрать отдѣльныхъ словъ, подумаетъ, что слышитъ Мазура, а не Русина (Зоря Гал. 423 — 4). Тотъ же авторъ считаетъ характеристичными напр. такіе случаи: Дѣвка Лемчанка служила въ Угорщинѣ, въ слѣдующемъ же селѣ за границею, межъ одними Русинами. Тѣмъ не менѣе, возвращаясь черезъ годъ домой, она уже такъ окликаеть встрѣчныхъ женщинъ своего села: «*Гей чуєме? А кадзито пешник до валала?*» (стежка до села). Тѣ смѣются, зная, что она не слишкомъ то далеко побывала. Или: *Настка Стиранка* черезъ два-три года возвращается изъ Угорщины домой уже какъ *Марія Гомбода* и стоитъ на томъ, что это ее имя и прозвище, потому, молъ, что *стиранка* (кушанье, должно б. = *мр. затирка*) по мадьярски — *гомбода*, а имени *Настка* тамъ незнають и ее звали *Марця* (ib.; ср. Гол. I, Объясн. и пр. 743 — 4). Отъ такихъ наивныхъ экземпляровъ можно заключать и къ менѣе наивнымъ.

Значеніе подобныхъ случаевъ болѣе ясно въ слѣдующей картинкѣ. Сцена — въ корчмѣ на Подолѣ, близъ мѣст. Копачинець, Чортковскаго у. Много народу; попойка, пляска — въ полномъ разгарѣ. Съ правой стороны, возлѣ печки особнякомъ стоитъ и равнодушно смотритъ на все австрійскій *жовнеръ*: на немъ форменныя синія панталоны съ подтяжками, на шеѣ галстухъ, жилетъ разстегнуть (*комбодъ*), въ зубахъ трубка, на головѣ вицмундирная шапочка (*гольц-мица*). Къ нему подходитъ мать и, поднося рюмку водки, говоритъ: «на! напийся, синоньку, горілоньки та розвесели душу! Ти-то, бувало, всімъ передъ ведешъ» — «*Никс Бромфен (brantwein)*! Я теперъ цісарска дитина, *цум тейфель!* Коби мені *зайдель вайн*, то аlé: Якто ми в Штайермарку, або в Бемскім краю с *фрейкою* підем собі штайера и польки, то, *сакрамент инайн*, аж *абцаси* с під *шугів* (*schuh*) відлітаютъ; а тутъ, що за *фрейд* танцювати з *кмайн мени* такой *пауер-танцъ*?» — «Ох, побила мене лихая доля, побила!» вопить мать.» Понімечили мою дитиноньку, понімечили: и языкъ перекутили, и в німецкую барву перебрали! Бідна-ж моя головонька! Пропав мій рідний син на віки вічний, пропав!» «И я скажу, прибавляетъ отъ себя авторъ: пропалъ твой сынъ на вѣки вѣчные

Онъ уже не твой, не вашъ, онъ не Русинъ (?)! Онъ уже вкусилъ *западной псевдоцивилизациі*. Онъ—цѣсарска дитина, и на команду какого нибудь капрала онъ готовъ васъ рѣзать, колоть, стрѣлять. Вы для него не родня, вы у него «*жмайне пауер*, каналы!» Подобныя сцены мнѣ случалось видѣть и слышать на моихъ странствованіяхъ по Галицкой Руси, и настоящее описаніе—не что другое, какъ воспроизведеніе въ памяти бывшаго» (Гол. I, Объясн. къ изображ. 13—7).

Этотъ жовнеръ типиченъ, и намъ знакомъ, несмотря на другую окраску.

Въ южной Руси, волею судебъ поставленной «якъ горох при до-розі» и осужденной на непрерывное топганье и колотню, въ теченіе вѣковъ появляются и исчезаютъ цѣлыя толпы отступниковъ вольныхъ и невольныхъ (въ узкомъ смыслѣ; въ широкомъ, всѣ невольны и лишь не всѣ равно самодовольны). Исторія знаетъ объ этомъ кое-что, искусство — мало, ибо напр. для повѣсти и романа, какъ и для живописи, южная Русь, не къ пользѣ общерусской, какъ бы вовсе не существуетъ. Понятно, что авторъ несочувствуетъ порядкамъ, создающимъ явленія, въ родѣ вышеупомянутого жовнера; но другое, чему онъ сочувствуетъ, частью неполнѣ ясно, частью, какъ отождествленіе народности со стариною и мнѣніе о ложности западной цивилизациі (вообще или той ея стороны, которая сказывается во вліяніи на иноплеменниковъ?), можетъ подрвать довѣріе къ націонализму въ тѣхъ, для кого это ученіе нестоитъ крѣпко и не неразрывно связано съ самымъ предметомъ ихъ занятій. Развѣ при столкновеніи съ другою, не западною цивилизаціей, напр. византійской, невозможны такія же уродливыя явленія, и развѣ такихъ явленій въ самомъ дѣлѣ небыло? Тутъ, если кто и виновать, то не очки, а обезьяна, надѣвающая ихъ на хвостъ. Если бы постороннее вліяніе на народность было само по себѣ пагубно, то новыя народности невозникли бы вовсе. Если способность народа «неподдаваться», т. е. сохранять возможность дальнѣйшей жизни, состоитъ лишь въ удержаніи старины, то она невозможна, какъ и то, чтобы вода немерзла на холодѣ и ледъ нетаялъ въ теплѣ.

Ошибка состоитъ здѣсь въ представленіи народности только содержаніемъ. На дѣлѣ народность реальна по отношенію къ своему прошедшему; но, какъ условленная имъ совокупность способовъ воздѣйствія на новыя вліянія ¹⁾, она формальна до такой сте-

¹⁾ внѣшнія, но не непремѣнно инонародныя, ибо въ концѣ концовъ и на-

пени, что съ сохраненіемъ ея совмѣстимо даже полное, лишь бы постепенное отрицаніе прежняго содержанія ¹⁾. Языкъ, согласно съ этимъ, есть не только одна изъ стихій народности, но и наиболѣе совершенное ея подобіе. Какъ немыслима точка зрѣнія, съ которой видны были всѣ стороны вещи; какъ въ словѣ невозможно представленіе исключющее возможность другого представленія: такъ невозможна всеобъемлющая, безусловно-лучшая народность. Если бы объединеніе человѣчества по языку и вообще по народности было возможно, оно было бы губительно для общечеловѣческой мысли, какъ замѣна многихъ чувствъ однимъ, хотя бы это одно было не осязаніемъ, а зрѣніемъ. Для существованія чело-вѣка нужны другіе люди; для народности — другія народности. Послѣдовательный націонализмъ есть интернаціонализмъ. Какъ немногими знаками выражаются безконечныя числа и какъ нѣтъ языка и нарѣчія, которые не были бы способны стать орудіями неопредѣлимо разнообразной и глубокой мысли, которая однако никогда не можетъ сравняться съ познаваемымъ; такъ всякая народность, хотя бы и низшая, а priori способна къ безконечному одностороннему развитію.

Тутъ нѣтъ очевидно ложной мысли, что всякая народность должна совершать полный кругъ своего развитія ²⁾; но есть те-

родная жизнь происходитъ въ я, для котораго все мимотекущее есть внѣшность.

¹⁾ Такъ животный организмъ остается самъ собою, не сохраняя въ себѣ своего прежняго вещества. Человѣкъ, воспитанный въ духѣ извѣстнаго ученія, можетъ оставаться вѣрнымъ этому духу, дошедши до отрицанія догматовъ. Эту, впрочемъ, новую мысль, я нахожу у Штейнталя: католикъ, протестантъ и еврей, сходящіеся въ религіозно философскихъ воззрѣніяхъ, даютъ имъ каждый свою историческую подкладку (*Zeitschr. für Völkerps.* VIII, 266—7).

²⁾

Не вси тоти сади родят, котри зацвітають;
Не всі тоти поберутся, котри ся кохають.
Половина саду родит, половина вяне;
Половина шлюби берут, половина — марне.
Половина саду родит, половина всхнеся;
Половина побереса, решта розійдеса.

(Гол. II, 782 (109), 783 (111); ср. Чуб. V, 198, 457.)

Половина цвіта цвіте, половина вяне;
Ходив козак до дівчини, теперь незагляне.

(Гол. 466 (171))

mento mori для побѣдителей и ободреніе для побѣжденныхъ, пока еще дышуть: «раненъ — двоемысленъ. а убитъ ужъ спить».

Есть два рода націоналистовъ: стоящіе на точкѣ поглощающихъ (А) и — на точкѣ поглощаемыхъ (Б). Нравственности, правды больше на сторонѣ послѣднихъ; о первыхъ большею частью, можно сказать: «може ти, москалю, и добрий чоловік, та шенелія (геср. теорія) твоя злодій». Они носяться съ сознаниємъ своего превосходства: ихъ путь къ идеалу челоуѣческаго развитія — лучшій; кто упирается ити, куда они гонять, тотъ грѣшить противъ Провидѣнія, противъ разума исторіи. Имъ лестно считать успѣхъ мѣриломъ достоинства; но на это съ точки Б можно возразить, что бурьянъ глушитъ траву и пшеницу и т. п.:

Найвисшому деревоньку вершок усихає;
Найкрасшому дітятоньку Бог долі недає.
(Гол. II, 781)

Ой поріс ромен ¹⁾ з тином у рівень,
а трава-та по облози ²⁾;

Половина саду цвіте, половина вяне;
Тяжко-ж мені на серденьку, як вечір настане
(ib II, 774)

Неясность двухъ послѣднихъ мѣстъ устраняется ихъ сопоставленіемъ съ первымъ

¹⁾ Ромашка дикая, собачья, ни на что неупотребляемая.

²⁾ Там ее жалко, п. ч. скотъ вытопчетъ:

Шкода травки и муравки (= травы муравої) тому облогови (в. берегови);

Шкода мене молодіи тому ворогови (вар. неробови, дуракови).

Шкода мене молодіи, шкода мого стану,

Та як я ся леда біди у руки дістану

(Гол. III, 291; II 779 ²; Шасн. Солом. Колом. 63.).

Шкода трави тай мурави, що-м по ней ходила;

Шкода мене молоденькій, що-м дурня любила

(Гол. II, 325).

Облогъ и берегъ = ворогъ:

Ой колись були ярі та пшениці, а тепера облоги;

Ой колись були вірні сусідочки, а тепера вороги.

Уси нивки поорані, одна облогує;

Усі дівки на мя добрі, одна ворогує, (Гол. IV, 446).

Посіяла-м руту круту меже берегами;

Ой як тяжко мені жити меже ворогами!

Ой нема, нема правди ни в кому,
 тільки в єдиному Бозі!
 (Костом. Об. Ист. зн. Р. н. п.)

А упрекають Б въ томъ, что послѣдніе предпочитая «провинціальный жаргонъ» языку образованныхъ, господствующихъ классовъ добровольно суживаютъ кругозоръ своей мысли, лишаютъ свои умственные продукты всемирнаго рынка. Наставленіе обращено здѣсь преимущественно къ тѣмъ, отношенія коихъ къ языку особенно интимны, и судьей въ этомъ душевномъ дѣлѣ является постороннее лицо, которому можно сказать: не беспокойтесь; кому дѣйствительно нужно нѣчто сказать («wenn einem ernst ist was zu sagen»... Göthe), тотъ самъ лучше всѣхъ выберетъ слово, какое ему сподручнѣе, лишь бы ему немѣшали. Выходить это недурно. По крайней мѣрѣ положительно можно сказать, сославшись на свидѣтельство самихъ мыслителей и художниковъ, что между ними, именно потому что они заинтересованы рожденіемъ своей мысли, не бываетъ охотниковъ съ дуру говорить «по херамъ» или по офенски; что многія мысли и многіе образы, нелишенные общаго значенія, вовсе бы неродились безъ «провинціальныхъ жаргоновъ». Что до вывоза на всемирный рынокъ, то мы знаемъ, что при немъ свои могутъ пухнуть съ голоду и что устраненіе этого голода есть лучшее средство къ установленію нормальной внѣшней торговли.

А упрекають Б, какъ руководителей (большею частью in potentia) низшихъ классовъ, за то, что Б будто бы хотятъ отупить простонародье устраненіемъ его отъ пользованія языкомъ господствующихъ классовъ, хотятъ, но не могутъ, благодаря предупредительнымъ мѣрамъ властей и благоразумію самого народа, которому «противенъ провинціальный жаргонъ въ школѣ и книгѣ». Это — съ больной головы на здоровую, ибо послѣдовательный націонализмъ нехочетъ власти, поддерживаемой насиліемъ, и потому неимѣетъ интереса въ сохраненіи наличнаго невѣжества и бѣдности, въ недопущеніи людей къ источникамъ знанія. Онъ хочетъ лишь соблюденія основнаго педагогическаго правила: неигнорировать наличныхъ средствъ учениковъ, а пользоваться этими средствами и развивать ихъ.

А вже-ж моя рута крута береженьки поре;
 А вже ж мої вороженьки по під боки коле

(Гол. I, 292—3).

Вообще денаціоналізація сводится на *дурное воспитаніе*, на нравственную болѣзнь: на неполное пользованіе наличными средствами воспріятія, усвоенія, воздѣйствія, на ослабленіе энергіи мысли; на мерзость запусѣнія на мѣстѣ вытѣсненныхъ, но ничѣмъ незамѣненныхъ формъ сознанія; на ослабленіе связи подростющихъ поколѣній со взрослыми, замѣняемой лишь слабою связью съ чужими; на дезорганизацію общества, безнравственность, оподлѣніе. Даже когда подавляющіе довольно близки къ подавляемымъ, а послѣдніе не лишаются насиліемъ имущества и не обращаются въ рабство грубѣйшихъ формъ, денаціоналізація все таки ведетъ къ экономической и умственной зависимости и служитъ источникомъ страданій. Ибо иноязычная школа, будетъ ли это школа въ тѣсномъ смыслѣ, или солдатчина, или вообще школа жизни, должна приготовить изъ сознанія учениковъ родъ налимсеста, при чемъ ея ученики и при равенствѣ прочихъ условій будутъ отставать отъ тѣхъ, которыми въ школѣ нужно было не забывать прежнее, а лишь учиться, т. е. прилагать школьные крохи знанія и прочаго ко внѣ — и до школьнымъ его запасамъ. Извѣстно, до чего вредно для дальнѣйшихъ успѣховъ уныніе, порождаемое сознаніемъ даже мнимой невозможности выбиться изъ послѣднихъ рядовъ. Для денаціонализируемаго народа одна умственная и нравственная подчиненность создаетъ рядъ неблагопріятныхъ условій существованія. Вышеупомянутый австрійскій жовнеръ, ставшій удобнымъ орудіемъ въ рукахъ власти, не получить за это даже капральства.

Между отношеніями народовъ далекихъ другъ отъ друга, напр. Нѣмцевъ и Славянъ и отношеніями внутренними славянскими, внутренними русскими существуетъ не принципиальная, а лишь количественная разниа. Поэтому здѣсь должно привести сказанное однимъ изъ теоретиковъ А о русскомъ языкѣ: «Говоровъ въ народѣ тысячи: всѣ немогутъ быть литературными языками. Одинъ вышелъ побѣдителемъ изъ *«борьбы за существованіе»*, другіе его поддерживаютъ и обогащаютъ, пользуясь имъ для цѣлей своего образованія. Такъ было вездѣ; такъ и у насъ до недавняго времени» (г. Будиловичъ, въ Ж. М. Н. Пр. 1879. VI, въ ст. Исторія Слав. лит. Пыпина, 286). Мнѣ кажется это въ цѣломъ неяснымъ: Если «провинціальныя жаргоны», какъ выражается этотъ учоный, должны «поддерживать и обогащать», то они должны жить и развиваться, что при нынѣшнихъ условіяхъ невозможно безъ школы и письменности. Въ такомъ случаѣ о борьбѣ за существованіе нѣчего говорить и слѣдуетъ обращаться къ формулѣ давно у насъ из-

вѣстной: «Русскій языкъ.. силу свою.. и богатство беретъ... изъ нарѣчій народныхъ... Величіе цѣлаго зависитъ отъ правильнаго развитія частей» (Метл. Нар. Южнор. п. Кіевъ. 1859. V). Если же говорить о борьбѣ за самое существованіе и о побѣдѣ одной стороны, то слѣдуетъ сказать о пораженіи и другой и о томъ, что побѣжденнымъ—горе и что ихъ трактуютъ лишь какъ этнографическій матеріалъ. Если оправдывать это тѣмъ, что такъ бывало, то можно оправдать и людоедство.

Болѣе-менѣе рабское состояніе поглощаемой народности должно же когда нибудь кончиться. Побѣжденные должны же когда нибудь выучиться языку побѣдителей; но, по словамъ В. Гумбольта, до сихъ поръ, сколько знаю, неопровергнутымъ, «никакой народъ немогъ бы оживить и оплодотворить чужого языка своимъ духомъ безъ того, чтобы непреобразовать этого языка въ другой» (Ueb. Verschied. 208). Народность, поглощаемая другою, послѣ безмѣрной траты своихъ силъ, все таки въ концѣ концовъ приводитъ эту другую къ распаденію. Нынѣшній русскій литературный языкъ можетъ сохранять свое относительное единство лишь до тѣхъ поръ, пока онъ есть органъ незначительнаго меньшинства. Становясь дѣйствительно общерусскимъ, а тѣмъ болѣе общеславянскимъ, онъ въ тоже время распадался бы на нарѣчія¹⁾. Т. о., по этому взгляду, нѣтъ выхода изъ круга взаимодѣйствія и весь вопросъ въ томъ, будутъ ли сберегаемы при этомъ народныя силы или растрачиваемы въ угоду недостижимымъ цѣлямъ.

Возвращаясь къ мнѣніямъ Я. О. Г., я думаю, что болѣзнь народности зависитъ не столько отъ того, что этнографическія вліянія на нее сами по себѣ вредны, сколько отъ того, что народность бываетъ поставлена въ невозможность съ достаточною энергіею воздѣйствовать на эти вліянія, обновлять свое содержаніе, совершенствовать свои средства воспріятія.

II.

О величинѣ сборника пѣсень Я. О. Г., кромѣ приведеннаго въ началѣ этой статьи числа страницъ, даетъ нѣкоторое понятіе то, что въ *Оглавленія по началамъ пѣсень*, приложенныя къ IV-му тому

¹⁾ Такъ дѣйствительно было съ языкомъ церковныхъ книгъ. До недавняго времени «и въ вѣкы вѣковъ» читалось въ южнорусскихъ церквахъ какъ «и во віки вікоу», иначе въ великорусскихъ, еще иначе въ сербскихъ и болгарскихъ.

(не совсѣмъ полныя, на пр. съ пропускомъ стр. 521 — 56 IV-го т.) занесено обрядныхъ и игорныхъ п. большихъ 484, думъ (въ галицкомъ смыслѣ) и думокъ 1253; многочисленныя мѣлкія пѣсни (коломыйки, шумки и пр.) сюда вовсе невошли. Для сравненія можетъ служить то, что въ «Pieśni ludu galicyjsk. Wact. z Oleska, Lw. 1833 (516 стр.) южнорусскихъ пѣсень со включеніемъ коломыекъ и т. п. насчитываютъ 567, а въ Pieśni ludu Ruskiego w Galic. Żeg. Pauli. Lw. 1839—40 (177+205 стр.), тоже съ коломыйками и со включеніемъ пѣсень, взятыхъ изъ сб. Максимовича—652.

Я не придаю этимъ расчетамъ большого значенія, п. ч. въ нихъ считаются за единицу вещи разнородныя: и пѣсни, единственныя въ своемъ родѣ, и каждый изъ варіантовъ; и пѣсня, состоящая изъ ряда куплетовъ, и отдѣльные ея куплеты. Важно только то, что изъ наличныхъ сборниковъ галицко-русскихъ пѣсень сб. Я. О. Г.—большій и лучший, что всѣ его отдѣлы въ настоящее время незамѣнимы, а отдѣлы колядокъ и щедровокъ по количеству поэтическихъ мотивовъ и красотъ образцовъ значительно превосходятъ соотвѣтствующій отдѣлъ сборника г. Чубинскаго.

Какъ почти всѣ большіе сборники произведеній устной словесности, сб. Я. О. Г. составлялся въ теченіе многихъ лѣтъ (съ 30-хъ по 70-е; пѣсни въ сборникахъ Максимовича записывались въ 20-хъ и 30-хъ годахъ, въ сб. Метлинскаго—въ 30-хъ и 40-хъ; приблизительно къ тому же времени относится и начало сборниковъ, вошедшихъ въ сб. г. Чубинскаго). Въ немъ сложены труды какъ самаго Я. О., такъ и многихъ лицъ (болѣе 30-и поименованныхъ въ предисловіи, подписанномъ О. М. Бодянскимъ, Чт. въ Об. Ист. и Др. 1863. III) и послѣсловіи Я. О. Г. (т. IV, Свѣденія о собирателяхъ и пр.), почти исключительно священниковъ, учителей, семинаристовъ, дьячковъ и учениковъ сельскихъ школъ.

Я. О. Г. держится т. наз. этимологическаго правописанія. Объ этомъ, какъ извѣстно, у насъ съ давнихъ поръ существуютъ различныя мнѣнія. По мнѣ, пусть бы было и этимологическое правописаніе, лишь бы мы знали, какъ его читать. Если думать, что мы знаемъ уже достаточно, что подробности излишни, то можно помириться и съ правописаніемъ этимологическимъ, изображающимъ только общія звуковыя свойства русской рѣчи, даже безъ значковъ, указывающихъ мѣста діалектическихъ измѣненій; и съ правописа-

ніемъ фонетическимъ, принимающимъ часть вм. цѣлаго, избранный говоръ, вмѣсто всѣхъ остальныхъ. Но кто же рѣшится теперь утверждать, что мы знаемъ уже достаточно и что игнорируемое въ обоихъ упомянутыхъ случаяхъ неважно? Изданіе произведеній устной словесности должно быть закрѣпленіемъ ихъ грамотою прежде всего въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ застаеъ наблюдатель. Смѣшеніе этого чисто-научнаго дѣла съ дѣломъ практическимъ, каково образованіе объединяющаго письменнаго языка, вноситъ неправду въ то и другое.

Теперь, по крайней мѣрѣ у насъ, подобными разсматриваемому сборниками пользуется лишь небольшой кружокъ ученыхъ, преимущественно филологовъ. Для читателей такого рода *н, ѓ, ѣ, ѝ* и десятеричное передъ *й* и въ *міръ*, какъ средства облегченія пониманія и средства объединенія Руси, совершенно ничтожны, а какъ помѣха хорошему изданію текста весьма замѣтны. Хотя и можно до нѣкоторой степени совмѣстить въ правописаніи этимологичность и фонетичность, но это будетъ громоздко и, главное, ни на что нужно.

Въ прежнее время нѣкоторые изъ писавшихъ и издававшихъ на малорусскомъ языкѣ, или, какъ говорятъ укоризненно, жаргонѣ, могли при выборѣ правописанія руководствоваться мыслью не только облегчить чтеніе предполагаемымъ великорусскимъ читателямъ (изъ тѣхъ, коихъ затрудняетъ *вил* или *вул* вм. волъ), но и доказать имъ свое родство съ ними и извинить въ ихъ глазахъ свою особенность ¹⁾. Врядъ ли можно предположить такія цѣли въ научномъ изданіи нашего времени.

Если нѣтъ средства записывать фонетически вѣрно, т. е. нѣтъ нужнаго для этого знанія, досуга, вниманія (коихъ нужно гораздо менѣе для правописаній объединительныхъ), то на нѣтъ и суда нѣтъ. Лучше блѣдный и даже искаженный образъ народнаго слова, чѣмъ никакого. Но извиненіе неестъ оправданіе, и въ принципѣ стоитъ крѣпко, что сборникъ образцовъ устной словесности долженъ удовлетворять и требованіямъ языкознанія. Съ этимъ согласно только правописаніе, систематически избѣгающее всякихъ

¹⁾ Въ родѣ того, какъ Добчинскій говорить:

«Старшій то сынъ мой, изволите видѣть, рожденъ мною еще до брака... Хлестаковъ. Да?»

Добч. То есть, оно такъ только говорится, а онъ рожденъ мною такъ совершенно, какъ бы и въ бракѣ, и все это, какъ слѣдуетъ, я завершилъ по томъ законными узами супружества-съ...

иносказаній; умышленно ничего немаскирующее; не объединяющее, а представляющее раздѣльно то, что и существуетъ раздѣльно; не-преслѣдующее другихъ цѣлей, кромѣ научныхъ.

Спрашивается, какая послѣдовательность, какая историческая перспектива въ написаніи на пр. слѣдующаго стиха колядки, записанной въ Сяноцкомъ уѣздѣ:

Другій полетѣвъ быстровъ рѣченьковъ

(Гол. II, 2)?

ий въ *другій* — ни этимологично (ибо въ древ. русс. — *и* —), ни фонетично (ибо у Лемковъ *и*), и поставлено по недоразумѣнію, которое видно въ словахъ А. Торонскаго: «замѣчательно, что Русины-Лемки, якъ и прочіе горнаки, *противъ общему правилу руского выговора, и* выговариваютъ, на пр. магкій» (Зоря Гал. 1860, 426). Измышленіе грамматистовъ, считавшихъ русскимъ лишь то немногое, что имъ было извѣстно, принято за общее правило русскаго языка. Въ *полетѣвъ* поставлено древнее общеславянское *ъ* и *ь*, и относительно-новое діалектическое *ѣ*, которое б. м. и возникнуть бы немогло, если бы за нимъ сохранилось *ъ*; на предыдущей страницѣ — *прѣхавъ*, а въ слѣдующей строкѣ *прѣхалъ*, что въ спискѣ опечатокъ непоправлено. Въ *рѣченьковъ* *ъ* и *ь* этимологично, но въ слѣдующей же строкѣ — *рѣчейковъ*, гдѣ *ей* фонетично; *ень* — негармонируетъ съ *-овъ*. Послѣ этого послѣдняго окончанія, появившагося вмѣсто исконно-русскаго *оу*, во всякомъ случаѣ вм. окончанія на гласную, поставлено небывалое *ъ*, въ силу рутинѣ.

Или: на стр. 324—5 1-го т. напечатаны 3 пѣсни безъ обозначенія мѣста и лица. Въ 1-ой — этимологическое *ъ*, по фонетич. *у* изъ *о* и, что было бы интересно, если бы было удостовѣрено, *ю* изъ *е* передъ мягкой (сюмъ сынувъ пѣтунувъ, сюмъ купъ); этимологич. *-ень-* и рядомъ — *ей*: браженька, головонька, но до кумнатоѣки, бражейку, музычейки, виднейко, мякейко. Во 2-й и 3-й — вездѣ *ень*, а нѣ *ей* (дѣвчинонько); *оу* (и я змук и кунъ змукъ, вунъ) и *ѣ* (пѣду); *ѣ* въ будешь и т. (неизвѣстно по какому принципу); за тобовъ (о чемъ выше); *е* (этимологич.?) въ «чемъ нелюбишь; теперь есъ (*ѣ* неизвѣстно по какому принципу; *ѣ* въ есъ — какъ знакъ твердости); ся гнѣвамъ, немамъ, съ *ъ*, не то по рутинѣ, не то въ предположеніи что въ слав. нар. имѣющихъ эти формы 1 л. ед. наст. въ историческое время (ибо въ этимологич. правописаніи нашего времени врядъ-ли кто либо рѣшится возстановлять доисторическую старину) стояло *ъ*, что сомнительно.

Т. о. желающій пользоваться сборникомъ Я. О. Г. для исторіи звуковъ встрѣтитъ въ правописаніи немало затрудненій. Въ иныхъ случаяхъ, если нельзя будетъ положиться на себя, ему придется справляться со сборниками, напечатанными латинскимъ шрифтомъ издатели коихъ держались болѣе вѣрнаго начала.

Впрочемъ необходимо замѣтить, что тѣмъ не менѣе въ сборникѣ разсѣянно много удовлетворительно записанныхъ образцовъ языка, и что то, что мнѣ кажется недостаткомъ правописанія, принадлежало направленію, которому слѣдовали и слѣдуютъ многіе Галичане, а у насъ—памятныя своею ученою дѣятельностью М. А. Максимовичъ и О. М. Бодянский. Имѣю основаніе думать, что послѣдній развѣ крайне неохотно допустилъ бы другое правописаніе въ изданіи М. Об. Ист. и Древ.

Распредѣленіе пѣсенъ. Въ послѣсловіи (Распредѣленіе и оглавленіе П. Г. и Уг. Р. т. IV, стр. 5 сл.) почтенный собиратель говоритъ слѣдующее:

«Въ 30-хъ и 40-хъ годахъ, когда я готовилъ къ печати пѣсни, помѣщенныя въ I-ой и въ началѣ II-ой части, весь запасъ пѣсенъ состоялъ изъ однихъ эпическихъ» (т. н. думъ, не въ украинскомъ смыслѣ) и лирическихъ (думокъ), да изъ нѣсколькихъ обрядныхъ» (смѣшаннаго характера) «и плясовыхъ» (почти всегда лирич.). «Думы и думки напечатаны въ I-ой, обрядныя и плясовыя во II-ой части» (Чт. Об. И. и Др. 1863 и 64). «Когда у меня опять накопилось значительное количество пѣсенъ, то я, пересмотрѣвъ вновь все собранное, старался привести его въ порядокъ, неизмѣняя при этомъ въ существѣ первоначальной системы. И такъ съ 1870 г стали печататься (ib) *Разночтенія* и *Дополненія* къ пѣснямъ, составившія III-ю (Думы и думки) и IV-ю ч. (Обрядныя)...» «Т. о., по необходимости, строгій порядокъ дѣленія немогъ быть соблюденъ съ начала до конца, въ чемъ вина должна быть приписана, конечно, одному лишь собирателю». Въ восполненіе замѣченныхъ собирателемъ недостатковъ, онъ предлагаетъ въ концѣ (IV т.) *«Систематическое оглавленіе пѣсенъ»*, общая схема котораго такова:

Т. I. Обрядныя п. хоровыя.

А. При общественныхъ праздникахъ и увеселеніяхъ.

I Колядки и шедровки.

II Меланки (на канунѣ Новаго года и на Новый годъ).

III Гаивки (на Святой н.).

VI Царинныя или русальныя.

V Сobotки (на Ивановъ день, т. е. на канунѣ).

VI и VII Обжинковыя и жатвенныя.

Б. *При семейныхъ праздникахъ.*

I Ладканья (свадебныя).

II Крестинныя.

III Круговыя и пировыя.

IV Плясовыя (Коломыйки и т. п.).

Т. II. Пѣсни нехоровыя.

I *Думы* ¹⁾ (= «довга поважна пісня», съ болѣе важнымъ и протяжнымъ напѣвомъ, чѣмъ думка).

1. Былевыя.

а. О дѣянiяхъ народныхъ; думы козацкія.

б. О событіяхъ изъ жизни обыкновенныхъ лицъ.

2. Бытовыя.

а. Козацкія.

б. Гайдамацкія.

в. Воинскія (солдат.) и рекрутскія.

г. Господарскія и скотарскія.

д. Нравственно-поучительныя и религіозныя.

II *Думки* (п. съ преобладающимъ лирическимъ характеромъ).

а. Любовныя, семейныя и житейскія.

б. Иносказательныя.

в. Колыбельныя.

III *П. Веселыя и охочія.*

а) Шуточные.

б) Небыличныя.

в) Пьяницкія и корчемныя.

Изъ подраздѣленій отмѣчу въ отдѣлѣ колядокъ: а) запѣвы; б) колядки хозяину или хозяйкамъ вмѣстѣ; в) хозяйкѣ замужней; г) вдовѣ; д) сыну; е) дочери; ж) пожеланія и благодаренія. Кромѣ того въ обрядныхъ пѣсняхъ, гдѣ позволялъ матеріалъ, собиратель

¹⁾ Думы въ украин. смыслѣ въ Галиц. и Угорской Руси почти неизвѣстны. Изъ нихъ въ Сб. помѣщена только одна про Коновченка.

распредѣлялъ пѣсни въ этнографической постепенности, начиная съ сѣв.-вост. погорья Карпатъ (Гуцулы, Верховинцы и Бойки), за тѣмъ переходя на сю сторону Днѣстра въ Галицкое Подолье и Ополье (Тернопольскій и Бережан. у.), наконецъ къ Лемкамъ и въ Угорскую Русь. «Кто внимательно прочтетъ самыя пѣсни въ вышепоказанномъ порядкѣ, да къ тому еще разсмотритъ прилагаемыя къ изданію изображенія, тотъ увидитъ постепенность оттѣнковъ народныхъ обликовъ и убѣдится въ справедливости моего дѣленія. Въ свое время можно будетъ подраздѣлить и плясовые п., а также думы и думки» (Т. IV, Распредѣл. и пр. 10).

Можно замѣтить, что п. шуточные, принимаемыя за особый отдѣлъ и другими собирателями (Паули, Метл., Чубин.) не представляютъ какого либо единства; что нельзя усмотрѣть, почему пѣсня иносказательная (отдѣлъ тоже принимаемый и др. собирателями) не можетъ быть въ тоже время любовной или семейной, былевой, на пр. козацкой, невольницкой; шутливой, необычной. Можно бы также привести примѣры невѣрнаго распредѣленія пѣсень по отдѣламъ нѣсколько болѣе прочнымъ; но вмѣсто этого я представлю нѣсколько общихъ соображеній о систематизаціи пѣсень.

О необходимости формальнаго основанія дѣленія пѣсень. Есть величайшее сходство между словомъ, сохраняющимъ представленіе (образнымъ), и поэтическимъ произведеніемъ; между словомъ, потерявшимъ представленіе, и произведеніемъ прозаическимъ, научнымъ. Отступленіе, которое б. м. слѣдовало бы сдѣлать въ поясненіе этого, я отложу до другого случая, и ограничусь только выводомъ, что такое же сходство — и въ рѣшеніи вопроса о распредѣленіи словъ и поэтическихъ произведеній.

Языкознаніе можетъ распредѣлять слова лишь по ихъ формѣ внѣшней и внутренней. Принявши за основаніе дѣленій содержаніе (дальнѣйшее или послѣднее значеніе) оно, вошло бы въ область другихъ наукъ (мое соч. Изъ Запис. по Русс. Гр. I, 10 — 11). Конечно изслѣдователь языка можетъ пользоваться результатомъ языкознанія для рѣшенія всякаго рода научныхъ вопросовъ; но такое взаимодействіе наукъ должно быть сознательно. Языкознаніе само по себѣ не можетъ удовлетвориться какимъ бы то ни было порядкомъ, внѣшнимъ по отношенію къ слову, на пр. распредѣленіемъ словъ по отдѣламъ космографіи, метеорологіи, физики, минералогіи, ботаники и пр. На оборотъ, историкъ культуры можетъ съ

успѣхомъ пользоваться языкознаніемъ лишь на столько, на сколько самимъ языкознаніемъ изслѣдованы группы и направленія словъ, установленныя на основаніяхъ чисто-формальныхъ и перекрещивающія всякія реальныя классификаціи.

Порядковъ, свойственныхъ языкознанію, въ своей чистотѣ существующихъ только идеально, два: азбучный (на основаніи одной звуковой формы) и основанный на формальномъ значеніи, т. е. на представленіи и отношеніи его къ ближайшему значенію. Корнесловіе есть порядокъ сложный. Этимологическое семейство обособляется на основаніи единства корня, какъ знаменательнаго звука или комплекса звуковъ (Изь Зап. по Русс. Гр. I, 12 сл.). Въ способѣ нисхожденія членовъ семейства А усматриваются аналогіи со способомъ нисхожденія въ семействахъ Б, В... Такъ какъ эти аналогіи многочисленны, то всегда порядокъ семействъ А, Б, В... принимается въ сущности лишь потому, что нужно съ чего либо начать; чѣмъ многостороннѣе этимологическое изслѣдованіе, тѣмъ разнообразнѣе въ немъ указатели другихъ группировокъ семействъ.

Что языкознаніе — относительно словъ, то исторія поэзіи — относительно поэтическаго произведенія. Точка зрѣнія послѣдней также формальна и изслѣдованіе съ нея также необходимо, какъ условія успѣшнаго пользованія поэтическимъ произведеніемъ для цѣлей житейскихъ и научныхъ (историческихъ и др.), — мысль далеко не новая. Въ частности, существенная односторонность всякихъ распредѣленій пѣсенъ по признакамъ не историко-поэтическимъ именно и состоитъ въ томъ, что они болѣе-менѣе игнорируютъ поэтичность этихъ произведеній, рассматривая ихъ какъ содержаніе, какъ лѣтописныя замѣтки и т. п. Будь эти распредѣленія послѣдовательны, они должны бы разрушать цѣльность не только сложныхъ поэтич. произведеній, но и входящихъ въ нихъ относительно недѣлимыхъ образовъ; они свелись бы на составленіе мозайки изъ кусочковъ, вырванныхъ изъ своей естественной связи и искусственно обдѣланныхъ. Народная пѣсня есть матеріалъ для языкознанія, этнографіи, исторіи, психологіи и пр. Но этимъ наукамъ нужна вовсе не пѣсня, а на пр. языкознанію — звукъ, слово, форма, оборотъ и т. п. Съ точки зрѣнія исторіи въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова приходится изъ извѣстныхъ пѣсенныхъ семействъ брать лишь тѣ пѣсни, въ коихъ упоминаются такія то лица и обстоятельства, иногда вовсе несущественныя для самой пѣсни, или же, какъ на пр., въ Ист. П. Мр. н. Ант. и Драгом. т. I, № 20, 64, 66, 69, — отклоняться отъ принципа, вдаваясь въ историко-литературныя изслѣдованія.

Подобнымъ образомъ мѣтологъ изъ обширнаго круга пѣсень возьметъ лишь немногое. Для языкознанія и этнографіи можетъ быть полезно только распредѣленіе п. по говорамъ и мѣстностямъ, отчасти принятое въ «Систематич. Оглвл. п. Я. О. Г. Мѣстность, говоръ, должны б. отпечатлѣны въ каждомъ образцѣ, такъ, чтобы такое распредѣленіе можно было сдѣлать и изъ всякаго другого, но, будучи принято за главное, этнографическое основаніе разъединяетъ семейства п. Историко-литературный принципъ, какъ въ языкознаніи этимологическій, влечетъ къ выходу за предѣлы говора, нарѣчія, языка, такъ что чѣмъ шире этнографическія границы сборника, тѣмъ совершеннѣе можетъ быть въ немъ генетическая группировка пѣсень. Это принципъ сравнительнаго языкознанія и сравнительной исторіи словесности. Съ этой точки уже теперь чувствуется неудобство отдѣленія въ особыя изданія пѣсень галицко-рускихъ. Само собою, что болѣе обширныя историко-литературно-этимологическія сравненія будутъ хромать безъ извѣстной степени пониманія, добываемой только въ узкихъ этнографическихъ границахъ.

Въ чемъ же именно состоитъ этимологическій приѣмъ въ области исторіи народной поэзіи?

Уже въ вышесказанномъ заключено то, что если при постороннихъ для пѣсень основаніяхъ классификація начинается съ выдѣленія изъ пѣсень извѣстныхъ элементовъ, съ разложенія; то при основаніяхъ внутреннихъ нужно начать съ пѣсни въ ея конкретности.

Пѣсня слагается по образцу прежней, т. е. между прочимъ при-мыкаетъ къ ней своимъ *напѣвомъ* и *стихотворнымъ размѣромъ*. Это наиболѣе общія формальныя основанія генетическаго распредѣленія.¹⁾ Установленіе генеалогіи напѣвовъ должно быйти объ руку съ изслѣдованіемъ генетическихъ отношеній размѣровъ и прочаго. Если это вѣрно, то теперь у насъ объ удовлетворительномъ гене-

¹⁾ Распредѣленіе пѣсень по напѣвамъ было бы только возстановленіемъ, исправленіемъ и закрѣпленіемъ ассоціацій, уже существующихъ въ мысли пѣвцовъ. Когда Ст. Верковичъ спросилъ у нѣкоей Дафины изъ Сереза, отъ которой онъ записалъ около 270 пѣсень, какъ ей приходится все это въ голову, она отвѣчала, что находитъ пѣсни только по напѣвамъ, т. е. сначала вспоминаетъ напѣвъ, слышанный еще въ молодости, а тотъ часъ вслѣдъ за тѣмъ и самую пѣсню (Верковичъ, Нар. п. Макед. Бугара, I, XVI). Т. о. напѣвъ по отношенію къ тексту есть не только нѣчто болѣе общее, но и — оставляющее слѣды, легче возстановляемые памятью. «Мы были», говоритъ другой наблюдатель, «довольно часто свидѣтелями того, что при рекрутскихъ наборахъ матери, разстававшіяся съ сыновьями, послѣ первыхъ приступовъ горя, сказывавшихся лишь отдѣльными звуками и словами, садились на землю и заводили

тическомъ распредѣленіи пѣсень нѣчего и думать. Для него нѣтъ ни достаточныхъ матеріаловъ, ни нужнаго соединенія знаній въ изслѣдователяхъ. Нельзя винить нашихъ собирателей за то, что у нихъ относительно-легкое записыванье словъ неидетъ рядомъ съ записываньемъ напѣвовъ, которое во многихъ случаяхъ одно только и можетъ предохранить отъ неточностей и ошибокъ въ передачѣ размѣра. Мы видимъ, что и при большемъ, чѣмъ у насъ, распространеніи знанія музыки, и при ясномъ сознаніи того, что пѣсня, особенно лирическая, безъ напѣва теряетъ половину жизни и цѣны, что слова, по видимому ничтожныя, получаютъ иногда глубокой, иногда совершенно неожиданный смыслъ отъ напѣва; даже и при этомъ далеко не всѣ собиратели могли слѣдовать примѣру Эрбена и Сушила, которые тоже врядъ ли думали о параллельномъ историко-музыкальномъ и историко-поэтическомъ изслѣдованіи. Для того, чтобы это дѣло могло у насъ пойти впередъ, нужны прежде всего многочисленныя собиратели, руководящіеся эстетическими побужденіями; развитіе же образованнаго общества въ этомъ направленіи встрѣчаетъ у насъ не только внутреннія, но и внѣшнія препятствія. Это одинъ изъ множества случаевъ, когда вещи, по видимому столь далекія другъ отъ друга, какъ формальная классификація словесныхъ произведеній и устройство общества, находятъ между собою въ связи.

Говоря о размѣрѣ малорусскихъ пѣсень, я отвлекаюсь отъ менѣе ясныхъ, требующихъ еще изслѣдованія свойствъ его, зависящихъ отъ ударенія, и останавливаюсь только на томъ, чѣмъ онъ сходится

печальныя напѣвы (Klagemelodien) безъ словъ» (Aigner, Ungarische Volksdichtungen, Pest, 1873, XIX). Это сказано о мадьяркахъ, но замѣчается, по словамъ третьяго наблюдателя (ib) и между Румынками и Сербянками. На Руси, сколько извѣстно причитанье безъ словъ не встрѣчается, такъ что, вѣроятно, у разныхъ племенъ и въ разные времена степень отдѣлимости напѣва отъ текста различна. То, что «въ народной пѣсни мелодія предшествуетъ тексту и ведетъ его за собою» (а не рождается вмѣстѣ с нимъ (Aign. l. c.)) принятое за общее положеніе, такъ же невѣроятно, какъ то, что въ языкѣ членораздѣльные звуки влекутъ за собою значеніе. Вышеупомянутыя мадьярскія матери, какъ и Дафина, не создавали напѣва, а лишь вспоминали готовый, уже связанный съ извѣстнымъ текстомъ. Ихъ отличіе отъ Дафины, если было, могло состоять лишь въ томъ, что воспроизведеніе и пересозданіе, т. е. приспособленіе къ данному случаю словесной стороны пѣсни, было въ нихъ чѣмъ либо замедлено или и вовсе сдѣлано невозможнымъ, что было бы явленіемъ такого порядка, какъ возникновеніе чисто-инструментальной музыки съ одной стороны и стихотвореній безъ мелодіи съ другой.

съ размѣромъ нарѣчій, имѣющихъ постоянное удареніе, именно на цезурѣ, стихѣ, куплетѣ. Формула пусть будетъ такая:

$$^2[8 + 9] = ^2[(4 + 4) + (4 + 5)] =$$

= [(Осичино-березино), (чом негориш, та все куришся?)]

[(Молодая дівчиновко), (чомъ неживеш, тільки журишся?)]

Чуб. V, 548,

т. е. въ скобкахъ [] заключенъ стихъ, въ скобкахъ () — полустишіе, дѣленія коего, соотвѣтствующія стопамъ, но всегда составляющія грамматическія единицы, со стороны количества слоговъ обозначены цифрами; число передъ [] показываетъ, сколько разъ повторяется стихъ для составленія куплета. Грамматическія дѣленія совпадаютъ съ дѣленіями куплета и стиха. *Enjambement*, если встрѣчается, указываетъ на книжность и польское вліяніе. Т. к. размѣръ избирается одновременно съ напѣвомъ, то главныя музыкальныя дѣленія совпадаютъ съ грамматическими.

Извѣстные разряды малорусскихъ (и др. сродныхъ) п., обозначенные столь явственно, что ихъ неможетъ обойти никакая классификація, кромѣ чисто-реальной, характеризуются прежде всего характеромъ напѣва и размѣромъ. Установляя эти разряды, классификаторы могутъ думать, что они руководствуются назначеніемъ пѣсня, условливающимъ въ общемъ ея содержаніе; но что это не такъ, доказыается существованіемъ прочно установившихся разрядовъ, которые, ни спеціальнаго назначенія, ни опредѣленнаго содержанія, неимѣютъ, ибо на пр. ошибочно думать, что коломыйка есть пѣсня только плясовая. Изъ такихъ разрядовъ прежде всего бросаются въ глаза *колядки*, въ коихъ постоянно выдерживается размѣръ $^2[5 + 5]$ съ припѣвомъ отъ трехъ слоговъ до двухъ стиховъ и въ коихъ отклоненія отъ этого суть искаженія. Музыкальныхъ мотивовъ колядокъ, кажется, вовсе нѣтъ въ печати. Затѣмъ — *веснянки*. Опредѣленность общаго характера ихъ напѣва такова, что ихъ можно узнать издали. Размѣровъ нѣсколько. Изъ нихъ одинъ — похожій на размѣръ колядокъ ($^2[5 + 5]$) но безъ припѣва («Ой весна, весна, та весняночка»), и съ бѣльшей сжимаемостью втораго полустишія, сродный съ другимъ размѣромъ $^2[5 + 3]$: «Ой вербо, вербо, вербице», въ которомъ первое полустишіе можетъ расширяться: «Час тобі, вербице | розвиться». Въ числѣ веснянокъ помѣщаются и другія пѣсни, болѣе-менѣе подходящія къ нимъ по общему содержанію. Выдѣлить ихъ безъ вниманія къ напѣву довольно трудно, б. м. невозможно. Къ веснянкамъ примыкаютъ всѣ лѣтнія

пѣсни: русальныя, петровочныя, гребовичныя. Свадебныя пѣсни, обыкновенно распредѣляемыя по времени, когда, и обстоятельствамъ, при которыхъ поются, при чемъ однородное раздѣляется, и на оборотъ, въ формальномъ и генетическомъ отношеніи не составляютъ одного типа. Размѣровъ въ нихъ нѣсколько, между прочимъ — очевидно связанное съ характеромъ напѣва сочетаніе нѣсколькихъ семисложныхъ полустихій (т. е. стиховъ съ неполнымъ грамматическимъ смысломъ) различного внутреннего дѣленія (4 и 3, 5 и 2, 3 и 4 сл.) и съ склонностью предпоследняго или послѣдняго стиха къ растяженію до 9 слоговъ:

«з скрипками, | з цимбалами
з молодими | та боярами»

Опять очевидно соединяются въ одинъ типъ не по содержанію, а т. сказ. по темпу и тону мысли всѣ, а не одни только *историческія* восточно-малорусскія *думы*, отличающіяся неопредѣленнымъ количествомъ слоговъ, преобладаніемъ глагольнаго окончанія стиха и речитативомъ подъ аккомпаниментъ струнного инструмента. Здѣсь мы видимъ, какъ формальные типы могутъ совпадать съ дѣленіями этнографическими. Въ *Коломыйкахъ* — размѣръ $^2[8 + 6]$ иногда = $^2[4 + 4] + (4 + 2)$ или $^2[(4 + 4) + (2 + 4)]$ и т. п., размѣръ нежимаемый и нерастяжимый, какъ стихъ колядокъ или серб. эпическихъ пѣсень; количество двустихій — отъ 1 до 4, рѣдко больше. «Дѣло непонятное», говоритъ В. Залѣвскій, «но тѣмъ не менѣе вѣрное, что напѣвъ коломыекъ, постоянно одинъ и тотъ же, однимъ лишь видоизмѣненіемъ тона (*przez modyfikacyę tonu*) весьма хорошо приспособляются къ выраженію какъ самаго печальнаго чувства, такъ и самаго разнузданнаго веселья» (*Wacł. z Oles.*, XII — II). Размѣръ коломыйки, господствующій и въ болѣе длинныхъ, спеціально гудульскихъ и верховинскихъ пѣсняхъ, чрезвычайно распространенъ и во всей Южной Руси.*) Другой разрядъ короткихъ пѣсень *Талалайки* (или Шалалайки, какъ у Гол. II, 218 сл.), по размѣру $^2[6 + 6]$ и въ этнографическомъ отношеніи родственъ краковякамъ и короткимъ словацкимъ пѣснямъ. Есть еще нѣсколько разрядовъ подобныхъ пѣсенокъ съ размѣромъ $^2[4 + 4]$ $^2[4 + 3]$ и др.

Отправляясь отъ этихъ несомнѣнныхъ и общеизвѣстныхъ разрядовъ, я думаю, что и всѣ остальные п., неизмѣющія общаго уста-

¹⁾ Въ силу этого это — обыкновенный размѣръ у Шевченка: «Думы мої, думы мої, лихо мені з вами».